

Венец одержимых. Золотые миражи Востока

Автор:

[Юрий Ходырев](#)

Венец одержимых. Золотые миражи Востока

Юрий Ходырев

Сказочный Восток... Издавна навевает он на людей Запада смутные грезы о земном рае и зовет их в погоню за сакральной мечтой. Так юный рыцарь Ренье оказывается в обетованных краях и спасает там девушку. С этого дня их жизнь превращается в калейдоскоп опасных приключений в кипящем страстями мире, где одни люди ищут совершенную любовь, другие – сражаются за славу, власть и золото, третьи – жертвуют собой во имя веры. Читатель побывает в Константинополе, Дамаске, Багдаде, Венеции, Тулузе, Лондоне, Севилье, Риме и Каире, прикоснется к восточной мудрости, подивится вещим снам и загадочным прорицаниям. И, возможно, согласится с мнением Хафиза о том, что жизнь каждого смертного похожа на безуспешное сватовство к вечности.

Юрий Ходырев

Венец одержимых. Золотые миражи Востока

Слаб человек, но сильны страсти его.

И рождают они великие грезы,

и бросают восторженных смельчаков

в священную битву за высшую справедливость.

И сгорают мужи подвига в ее жертвенном пламени,

и сметает холодный ветер времени

их прах в бездну забвения.

И лишь немногие любимцы судьбы

возносятся в звездный пантеон славы,

где творец иллюзий сплетает из их деяний

чудесную сказку прошлого.

Да прочтут ее живущие,

и да согреются их сердца

от негасимого огня страстей

этих странников вечности...

Долина чудес

Пестрый купеческий караван под мерный звон бубенцов спускался в обширную зеленую долину. Позади осталось пышущее жаром нагорье с редкими пучками сухой пыльной травы и проворными ящерками. Весь день путники вглядывались в далекий горизонт, надеясь увидеть тенистый островок, пригодный для отдыха. И лишь с наступлением вечера перед ними открылось райское место, о котором

они не могли и мечтать.

Предводитель каравана с уверенностью человека, исходившего все пути мира, направился к большой чинаре, окруженной густым кустарником. Величаво-надменные верблюды и покладистые мулы почуяли близость живительной влаги и ускорили ход. И наконец, путешественники были вознаграждены за перенесенные тяготы: в густой тени чинары, среди сочной травы бил источник с прозрачной водой. Тут же начались обычные хлопоты по устройству временной стоянки. Слуги расседывали животных, доставали припасы и ставили шатры для хозяев.

Ренье почувствовал свою ненужность среди шумной суеты и решил развеяться на благодатном просторе. Седобородый караван-баши выслушал просьбу юноши отлучиться от каравана, улыбнулся и одобрительно покачал головой:

– Молодость всегда ищет приключений, – он окинул долину внимательным взглядом. – А здесь есть, где разгуляться!

Ему нравился этот светловолосый франк[1 - Франки – общее прозвание западных христиан на Востоке.], присоединившийся к каравану с небольшим отрядом воинов. Он производил самое положительное впечатление: выказывал старшим должное внимание и был подчеркнуто обходителен даже со слугами. Стройная фигура, прямой взгляд и легкость движений выдавали в нем прирожденного воина, вызывая невольное уважение даже у повидавших мир людей.

Предводитель повернулся к заходящему солнцу, всмотрелся в багровеющий горизонт и сказал:

– О, благородный рыцарь, разум требует соблюдать осторожность и не искушать судьбу понапрасну. Ночь вот-вот заберет власть у дня и тогда на свой промысел выйдут гули, – он понизил голос. – Это дети мрака в образе соблазнительных дев! Они подстерегают одиноких путников, очаровывают их своими прелестями и выпивают у них кровь!

Юноша содрогнулся от неприятного ощущения, но предупреждение не испугало, а скорее позабавило его. Очень уж эти коварные гули напомнили ему героинь восточных сказок, слышанных им здесь во множестве. Но он не стал спорить со старцем и учтиво ответил:

– Очень благодарен, почтенный шейх, за мудрое остережение. Прогулка не займет много времени, и я вернусь до наступления темноты...

Арабский скакун легко взял с места и через несколько шагов перешел на резвый галоп. Молодая сила неудержимо несла его в неведомую даль. Мягкий ковер из густых трав с яркими диковинными цветами послушно ложился под его копыта. Всаднику передалось азартное настроение коня, он с удовольствием вдыхал напоенный душистыми ароматами воздух и беззаботно мчался вперед.

Вдруг откуда-то сбоку, из густого кустарника, выскочила газель. Она летела вперед, едва касаясь стройными ногами земли, и поравнявшись со всадником, стала обходить его. Скакун, взгоряченный внезапным вызовом, перешел на карьер и мощным рывком догнал соперницу. Ренье пригнулся к шее коня, облегчая его бег, и победно посмотрел на грациозную газель. Она была так близка, что казалось, до нее можно было дотянуться рукой и погладить ее по шелковистой шерстке! Большой черный глаз с любопытством глянул на всадника, скользнул по его лицу и газель резко отвернула в сторону. Ее спина цвета выжженного песка замелькала в зелени кустов и исчезла в темневшей неподалеку роще.

Ренье развернул коня и устремился за беглянкой. Он остановился на опушке рощи, спешил и осмотрелся. Вокруг было тихо и только слабый ветерок шевелил верхушки деревьев. В наступающих сумерках густеющая синева все сильнее заливала небо, и кроваво-красное солнце последними лучами подсвечивало незнакомую местность. Подкравшийся страх охолодил было его сердце, но он подавил это постыдное чувство, взял скакуна в повод и направился по следам газели. Через несколько шагов он ощутил манящий запах вкусной еды и перед ним открылась небольшая поляна, покрытая густой травой и благоухающими цветами. Посреди нее в окружении сочной зелени едва слышно журчал родник. Рядом с ним догорал костер, у которого невысокий абиссинец хлопотал над поджариваемым мясом.

Поодаль виднелся силуэт сидящей девушки. Изар[2 - Изар – род одежды арабских женщин, состоящий из куска ткани, обертываемого вокруг тела.] из тонкой светлой ткани подчеркивал изящность ее фигурки. Она повернула голову в сторону юноши, легкий шелковый платок, закрывавший ее лицо, слегка приоткрылся, и их глаза на мгновение встретились. Вокруг как будто посветлело! Захваченный врасплох, он позволил себе слишком пристальный, и как он с запоздалым раскаянием понял, не совсем вежливый, взгляд.

Незнакомка смутилась, поправила платок и опустила голову. Мимолетное видение исчезло! В его памяти остались очаровательный овал смуглого лица, большие черные глаза под густыми бархатистыми бровями, да непослушная прядка смоляных волос, выбившаяся из-под платка и прихотливо вившаяся по щеке... Он подавил невесть откуда взявшееся волнение, принял присущий истинному рыцарю невозмутимый вид, приблизился к костру и приветствовал абиссинца:

- Мир тебе, путник.

Тот повернулся к неожиданному гостю и ответил:

- И тебе мир, о, благородный воин, – широкая доброжелательная улыбка осветила его темное лицо. – Надеюсь, ты не откажешься разделить со мной скромную трапезу?

Юноша с вожделием посмотрел на подрумянившиеся и истекающие горячим соком куски мяса, но тут же одернул себя и с достоинством представился:

- Мое имя Ренье. Благодарен тебе за приглашение.

- А меня зовут Масум. Я умею готовить мясо на огне и, надеюсь, оно тебе понравится!

- Позволь вначале напоить коня.

Ренье отвел скакуна к роднику и вернулся к костру. Мясо, сдобренное острыми пряностями, распространяло волшебный аромат, и он почувствовал, как сильно проголодался. Однако образ прекрасной девушки не выходил у него из головы. Кажется, в ее глазах промелькнул интерес к нему! Во всяком случае, ему очень хотелось, чтобы это было именно так! Он бросил невольный взгляд в ее сторону, и увидел, что юная красавица... исчезла! В его груди похолодело, и он в недоумении замер.

Абиссинец лукаво улыбнулся:

- Мудрые говорят: «Взгляд влюбленного всегда летит вслед за его сердцем!...»

Ренье слегка смешался, но ответил с должной мерой искренности:

– Это похоже на правду... Но вряд ли меня можно назвать влюбленным...

Масум приложил правую руку к сердцу и широким жестом пригласил гостя к костру. Они присели на траву. Абиссинец разделил мясо на две части, положил их на большие зеленые листья и подал одну из них юноше со словами:

– Не спеши облачаться в одежды печали. Верь в судьбу, и помни: она всегда выведет достойного на дорогу надежды!

Он взял кувшин, принес воды, и сотрапезники совершили омовение. Ренье энергично принялся за еду. Нежное мясо, приправленное соком лимона, перцем и еще какими-то пряностями, приятно раздражало язык. Он уже успел отвыкнуть от пресной пищи, которая употреблялась на его далекой родине. Там индийские специи были редкостью и стоили больших денег. Многие люди не знали толка во вкусной еде, и привыкли обильно сдабривать кое-как приготовленное мясо кислым вином, да пахучими травами. Богатеи кичились друг перед другом не изысканностью кушаний, а необузданным обжорством. Здесь же, на Востоке, без пряностей не готовилась никакая пища, и ароматы специй сопровождали не только пиршества в роскошных дворцах, но и застолья в скромных хижинах. Дразнящими запахами были пропитаны торговые лавки, харчевни и даже сам воздух на шумных базарах многолюдных городов.

Абиссинец также с видимым удовольствием уплетал вкусное мясо. Время от времени он бросал восхищенные взгляды на коня Ренье. Дивиться было чему: молодой скакун обладал лучшими свойствами арабской породы. Тонкие стройные ноги, длинная шея, широкая мускулистая грудь и выгнутый вверх хвост говорили о его чистокровном происхождении. Серебристо-серая масть придавала коню благородный облик. В крепком теле чувствовались сила и выносливость. Даже здесь, на отдыхе, он не стоял на месте, а бодро ходил по краю поляны и лакомился сочной травой, потряхивая ухоженной гривой и позвякивая богатой серебряной уздечкой.

Закончив еду, Масум наполнил водой две чашки, добавил в них розового сиропа из небольшой склянки и подал одну из них гостю. Смакуя приготовленный напиток, он спросил:

– О, славный юноша, ты владеешь конем редкой и дорогой породы! А ведомо ли тебе, как он был сотворен?

– Нет...

– Знающие истину рассказывают так. Когда Создатель захотел помочь людям, он схватил дланью всепокрушающий южный ураган и сказал ему: «Прими славное имя "конь"! Ты станешь верным другом отважных. Ты сможешь без отдыха пробегать бескрайние дали. Ты будешь летать, не имея крыльев. И твой хозяин полюбит тебя больше собственной жизни!»

– В этой истории, как мне кажется, много истины, – Ренье посмотрел на коня. – Он не раз спасал меня, и мы очень сдружились. Я обращаюсь с ним, как с равным!.. – он подумал. – И я знаю, что такого коня нельзя вести за гриву, так как это унижает его гордость.

– Ты прав, эти благородные создания очень хорошо понимают человека и их преданность безгранична. Поэтому у арабов за убийство коня положена смертная казнь... – абиссинец помолчал. – Как мне кажется, твой скакун достоин носить собственное имя. Если бы мне было позволено, я бы назвал его так, – он сделал торжественную паузу. – «Обгоняющий ветер»!

Юноша улыбнулся и медленно повторил:

– Обгоняющий... Ветер... Звучит красиво! А, главное – точно! Да будет так!

– Я рад, что угодил тебе... Не позволишь ли задать один вопрос, который меня занимает?

– Спрашивай, мудрый Масум!

– Как я понимаю, ты – франк. На твоей родине арабские скакуны не водятся, а здесь их запрещено продавать чужеземцам под страхом смертной казни. Как же он попал к тебе?

– Ничего чудесного в этом нет. Его добыл мой отец в честном бою с сарацинами. К несчастью, он погиб, и ко мне перешло все семейное достояние, в том числе и

этот красавец.

Он ласково посмотрел на беспокойного скакуна и тяжело вздохнул:

– Однако скоро нам придется расстаться. Я должен ехать домой для вступления в наследство. Сейчас я направляюсь в Тиверию, к князю Раймунду, которому служу, чтобы испросить его разрешение на отъезд.

Услышав знакомое имя, абиссинец оживился:

– Твой господин хорошо известен! В жестоких войнах между христианами и мусульманами он старается охлаждать горячие головы с обеих сторон. В его делах виден свет благородства!

– Это и не удивительно. Он происходит из знаменитой династии графов Тулузских, прославившихся отвагой, величием и образованностью. Один из его предков участвовал в первом походе на Святую землю и остался здесь жить. Его достойные потомки заняли высокое положение среди местных христиан. Когда-то Раймунд провел несколько лет в Алеппо, в плену у сельджукского атабека [3 - Атабек – правитель относительно самостоятельной области в сельджукском султанате.]. Пребывание в неволе он обратил в свою пользу: изучил местный язык и познакомился с обычаями своих противников. Выйдя на свободу, он стал сторонником мира с ними!

– Воистину, это достойный уважения человек!.. В отличие от него многие владельцы заняты бессмысленными войнами и не желают знать, сколько бед они несут простым людям. И каждому из нас приходится выкручиваться из неприятностей в меру своей сообразительности... Один скиталец обошел бескрайнюю Азию и посетил истинные чудеса света: Мерв, Хорезм, Самарканд, Хиву, Бухару, Термез, Балх, Отрар и другие. Легче сказать, где он не был! Я слышал от него немало поучительных преданий. Вот одно из них.

Масум устроился поудобнее и начал свой рассказ:

– Некий завоеватель Азии призвал к себе бедного поэта и обрушился на него с грозным обвинением: «О, рожденный под несчастливой звездой! Мне донесли о твоих посягательствах на мои владения. Лишь искреннее признание облегчит твою незавидную участь!» Поэт не растерялся и ответил: «Всемилоостивый

повелитель! Меня оклеветали перед тобой за совершенно невинное стихотворение, посвященное прекрасной девушке. Выслушай его и солнце истины отогреет твое сердце». Повелитель приказал: «Говори!» Поэт поклонился и продекламировал:

О, турчанка из Ширази,

За любовь твою умру!

Я отдам тебе за локон

Самарканд и Бухару![4 - По мотивам: Хафиз. Пер. с перс. Б. Лапина и З. Хацревина. 1933.]

– Возмущенный правитель вскричал: «Ты с такой легкостью разбрасываешься моими лучшими городами, этими жемчужинами мира, как будто они принадлежат тебе! Я пролил реки крови, чтобы овладеть ими, а ты готов отдать их за какой-то локон!» Поэт смиренно ответил: «Всемогущий господин! Моя вина велика, твой гнев справедлив, и я уже наказан за свою расточительность». И он потряс своими ветхими одеждами. Сердце повелителя смягчилось, и он приказал выдать находчивому поэту новый халат и пригоршню звонких монет».

Юноша улыбнулся:

– Легко отделался!

– Да, его изворотливости можно только позавидовать! Но и тебя жизнь не обидела. Найти великодушного покровителя – все равно, что породниться с самой удачей! – Масум помолчал и с грустью добавил. – А если у правителя черное сердце, то он сам, и его слуги ходят по краю пропасти, искушая неверную судьбу...

Ренье сочувственно посмотрел на собеседника и сказал:

– Ты говоришь загадками. Наверное, здесь кроется какая-то поучительная история. Если ты готов ее рассказать, я с благодарностью и вниманием выслушаю тебя.

Абиссинец подумал, осторожно поправил халат, бывший явно с чужого плеча, погладил ладонями коротко стриженные курчавые волосы и приступил к своему повествованию.

Коварный визирь

Мой отец, о доблестный рыцарь, был султаном обширной области. Иноземцы называли нас «людьми с обгорелыми лицами». Наш главный город располагался на берегу теплого моря, на перекрестке торговых путей. Туда прибывали караваны из страны Миср^[5 - Страна Миср – средневековое название Египта.] и приплывали корабли из Индии. Множество купцов останавливалось у нас, зная о справедливости властей.

Однажды настал злой день, и мой благородный отец ушел невозвратной дорогой. Враги всегда завидовали богатству нашей страны. Они воспользовались произошедшим несчастьем и напали на нас. Это были сильные люди и у них не было сострадания к слабым. Их жадные глаза не знали сна, а охочие до чужих денег руки не знали покоя. Вся ярость судьбы обрушилась на ни в чем не повинных жителей.

Поговорка гласит: стоит власть имущему споткнуться, как уже весь мир попирает ногами его голову! Меня, моих братьев и сестер продали разным проезжим купцам, чтобы разослать нас в разные стороны света и уничтожить саму память о законных наследниках изобильной земли. И мы уподобились птенцам, выброшенным из родного гнезда. Для нас нигде не было пристанища и нас согревал лишь холодный свет созвездий. В конце концов я оказался в аль-Кахире^[6 - Аль-Кахира – средневековое название Каира.], в поместье состоятельного торговца. Он часто ходил с караванами в разные страны, знал многие языки и ценил в людях образованность. Меня определили выполнять работу по дому и прислуживать его детям. И тут обнаружили мои способности к письму и чтению. Хозяин был ко мне очень добр и дал возможность изучать грамоту. Я достиг больших успехов и овладел самыми распространенными

почерками письма на разных языках! Мое мастерство приходили смотреть известные знатоки, дивились моей молодости и прочили мне большое будущее.

К несчастью, светлые надежды сбываются редко, а все хорошее рано или поздно проходит. Мой добрый хозяин умер, и ему наследовал старший сын, очень легкомысленный человек. Повидавшие жизнь говорят: «У кого душа веселая, у того каждый день праздник!» С молодым господином так и вышло. Он забросил все дела и погрузился в пучину развлечений.

Его тут же окружили знатоки чужого сладострастия – пронырливые скопцы с блудливыми глазами. Вслед за ними появились торговцы живым товаром – опаленные солнцем, овеянные ветрами и омытые дождями люди с мертвыми глазами. Они не были отягощены добродетелями, ибо зарабатывали на пороках. Они не писали географических трактатов и не вели ученых споров, но хорошо знали золотые пути мира, и на их картах не было белых пятен.

Вскоре наш дом наполнился искусными дарительницами наслаждений, привезенными со всего света. Многие девушки не знали своей родины и лишь по их внешности можно было догадаться, откуда они происходили: лица одних были белыми, как горный снег, других – черными, как южная ночь, третьих – желтыми, как восходящее солнце. Там были целомудренные персиянки с бархатистой кожей, гибкие непоседливые амореянки, страстные крутобедрые бактрийки, гордые сладкоустые египтянки, светловолосые пышногрудые северянки.

Для ухода за прелестницами были куплены дорогие рабыни, знавшие тайны сохранения и умножения женской красоты. Девушек купали в ваннах с пряным шафраном из Кашмира, умащали их кожу нежнейшим сандаловым маслом из Индии, изысканным бальзамом из Мекки и живительным миндальным молочком. Их волосы и одежды опрыскивали дурманящим белым мускусом из Тибета и благородным нардовым маслом из Тарса. Многочисленные курильницы из горного хрусталя распространяли по дому волны веселящего сердце мирра из Аравии и волнующей душу камфары из Фансура. Редчайшие и баснословно дорогие благовония расходовались без всякого счета! Беззаботный кутила ничего не жалел для своих любимиц и щедрой рукой осыпал их поистине царскими дарами.

Обитательницы этого оазиса развлечений в совершенстве владели сокровенным искусством обольщения. Наш гуляка сходил с ума, ловя призывные взоры одних,

видя целомудренно потупленные глаза других, слыша томные вздохи, нежный звон тончайших золотых и серебряных браслетов на запястьях и щиколотках третьих. Теряя разум, он упивался их красотой, и не мог остановиться, ибо жажда любовной близости неутолима.

Проходимцы с холодными сердцами умело разжигали в нем желание несбыточного. Обильные пиршества чередовались с веселыми представлениями, нежноголосые певицы сменялись гибкими танцовщицами, ловкие фокусники уступали место проницательным гадалкам. И не было конца этому празднику жизни!

Но кто же не знает, что дорога расточительности ведет на солончак бедности?! Мой молодой хозяин прошел ее до самого конца: он растратил золото, серебро и драгоценные камни из сундуков своего покойного отца. Потом продал амбары с дорогими товарами и поместья с ухоженными садами. Следом за ними в руки ловкачей ушли быстроногие кони, выносливые верблюды и трудолюбивые мулы. Наконец, пришла очередь и его верных слуг.

Меня купили и увезли с собой иноземные купцы. Проезжая город Калиб, они с большой выгодой перепродали меня местному визирю. Тот высоко оценил мое образование и доверил мне обучение своих детей грамоте и каллиграфии. У меня вновь появилась надежда на достойное будущее.

Но, как выяснилось, радоваться было рано. Знающие говорят: судьба лишь один день за тебя, и целый год – против! И они оказались правы!

Как-то по городу поползли слухи о заговоре против эмира. Подобно скользким змеям они проникали всюду: и в лачуги бедняков, и в лавки торговцев, и во дворцы вельмож. Их ядовитое дыхание кружило головы и подталкивало народ к непослушанию. Правитель насторожился и принял суровые меры по искоренению недовольства. Особое рвение в этом деле проявил визирь. Его верткие соглядатаи шныряли всюду и хватали людей по малейшему подозрению. Несчастных бросали в зиндан[7 - Зиндан – вид подземной темницы с глубокой ямой.], один вид которого рождал ужас и развязывал языки даже у безнадежных упрямец. Стараясь облегчить свою участь, узники признавались во всевозможных крамольных умыслах, легко угадывая желания заплечных дел мастеров. И откровения «злодеев» оказывались в конце концов заурядными рассказами запуганных сидельцев, а настоящие злоумышленники оставались неуловимыми! Эмир потерял покой и усилил розыск. Город замер в ожидании

большой беды.

И тут хозяин призвал меня к себе. Он был чем-то расстроен, и лицо его было темнее грозовой тучи. Глухим голосом он спросил:

– Как тебе живется в моем доме?

Я поклонился и ответил:

– О, милосердный господин, меня все устраивает, и я всей душой готов служить тебе и дальше. Да умножится твое достояние!

Ему понравился мой ответ, и в его глазах сверкнул огонь радости:

– Сама судьба дает тебе возможность отблагодарить меня...

Он встал с кресла, подошел ко мне и прошептал:

– Нужно тайно передать правителю города Билис важное письмо.

Меня охватило безмерное удивление: тот был смертельным врагом нашего эмира! Но я скрыл свои чувства под маской робости, и со всей возможной почтительностью ответил:

– Город наполнен слухами о заговоре против эмира и стража у ворот обыскивает каждого путника. Твое послание легко найдут, я потеряю голову, а ты – верного слугу!

– Письмо будет изготовлено так, что его нельзя будет обнаружить. Цирюльник обреет твою голову, и писец нанесет на нее нужные слова. Через несколько дней волосы отрастут, и тебя никто ни в чем не заподозрит. Ты оденешь рваный халат и забудешь, что служишь у меня. Потом доберешься до Билиса, предстанешь пред светлыми очами эмира и объяснишь ему, как прочесть мое письмо.

Я порадовался предусмотрительности моего хозяина и пал ниц перед ним:

– О, многомудрый повелитель, прости меня за сомнения! Повергаю мое лицо в прах послушания!

Визирь самодовольно улыбнулся:

– Набросим покров забвения на твоё прегрешение. Если ты исполнишь мое поручение, я отпущу тебя на волю и дам приличную сумму на обустройство хозяйства. И совсем скоро ты начнешь свободную и безбедную жизнь!

Животворная надежда наполнила мою душу, и я воскликнул:

– Да будет тысячекратно вознаграждена твоя щедрость! Располагай мною!

Он с одобрением посмотрел на меня, и его голос неожиданно дрогнул:

– Завистники ищут моей гибели и уповают на мнительность нашего повелителя, да продлит Аллах, милостивый, милосердный, его счастливые годы... Мне чудится, что палач уже занес надо мной остро отточенную саблю... – он судорожно схватил горло ладонью. – Времени осталось очень мало... Поспешите...

Он помолчал, устало прикрыл глаза и мановением руки отпустил меня.

Цирюльник быстро исполнил задуманное хозяином, и через несколько дней я отправился в дальнюю дорогу. Визирь дал мне десять серебряных дирхемов на непредвиденные расходы, и я почувствовал себя настоящим богачом.

Был полдень, обжигающие лучи солнца разогнали людей по тенистым закоулкам, и я надеялся беспрепятственно миновать городские ворота. Однако оказалось, что стражники за все утро не поймали ни одного подозрительного человека и страх наказания за плохую службу кусал их за пятки. Воины кинулись на меня, как голодные волки бросаются на беззащитную овечку. Их ловкие руки прощупали всю мою одежду, но ничего подозрительного не нашли. Недовольно ворча, они отошли от меня, и я уже готовился продолжить свой путь, как старший стражник посмотрел на мою голову, злобно сузил глаза и спросил:

– О, сын нужды, зачем ты брил голову?.. Здесь что-то не так! – и приказал стражникам. – Хватайте его!

От неожиданности я не нашелся, что ответить этому воплощению бдительности и усердия. И уже множество рук нависло надо мной, как меня осенила спасительная мысль и я вскричал:

- О, славные удальцы, остановитесь! Я поведаю вам истинную правду...

Стражники в замешательстве застыли на месте.

Я перевел дух и жалобным голосом продолжил:

- Одну луну назад в меня вселилась заразная болезнь, которая вызывает кровавую рвоту и, если ее не лечить, мучительную смерть. Лекарь побрил мне голову, втер в нее целительные мази и пообещал выздоровление. Но опасная хворь пока еще держит мое тело в своих острых когтях, и если вы забудете об осторожности, она вцепится и в вас!

Испуганные воины отбежали в сторону, и старший пригрозил:

- О, скидыш гиены, убирайся прочь, иначе мы угостим тебя стрелами...

Я не заставил себя упрашивать и быстро скрылся за воротами города.

Через несколько дней я добрался до Билиса и направился во дворец эмира. У входа в него сидели изнывающие от безделья стражники. Старший с презрением посмотрел на мое ветхое одеяние и лениво спросил:

- О, брат нищеты, что тебе нужно здесь, в обители великих?

- О, доблестный воин, я принес письмо победоносному эмиру.

Он брезгливо поморщился и протянул руку:

- Давай его сюда.

- Но я должен передать послание самому повелителю!

Стражнику не понравилась моя настойчивость, он вскочил на ноги и приказал своим подручным:

- Обыскать его!

Меня схватили, перетряхнули одежду, но не нашли ничего, кроме десяти дирхемов. От неожиданной добычи у старшего загорелись глаза, и мои кровные денежки тут же перекочевали в его кошель. А чтобы я не пожаловался эмиру на грабеж, он решил погубить меня и вскричал:

- Никакого письма нет! Этот человек по наущению врагов хочет убить нашего правителя, да продлит Аллах, милостивый, милосердный, его счастливую жизнь! Отведите злоумышленника к палачу, пусть тот своей саблей послужит достославному эмиру!

Тут же множество услужливых рук вцепилось в мой халат. Я уже прощался с белым светом, как на улице раздался громкий топот коней и во двор влетела вереница всадников во главе с эмиром. Мы рухнули в горячую пыль. Когда все стихло, я приподнял голову, поцеловал землю между ладонями и сказал:

- О, всемогущий властелин, да падет на твое сердце светлая роса благосклонности! Я принес важную весть, выслушай меня!

Старший стражник, чувствуя, как вожаделенные дирхемы готовятся уплыть из его липких рук, возмутился:

- О, пресветлый господин, этот бродяга с обгорелым лицом – выходец из преисподней! У него дурной глаз и он причинит тебе большое зло. Прикажи, и я отрублю ему голову! – он вскочил на ноги и занес надо мной сверкающую саблю.

Эмир движением руки остановил его, испытующе посмотрел на меня и приказал:

- Говори!

- О, блистательный повелитель, я привез тебе послание от визиря города Калиб. Тайну его прочтения я открою, когда вокруг нас не будет лишних глаз и ушей.

Взгляд эмира смягчился, и он одобрительно покачал головой:

– Твоя осторожность заслуживает не только похвалы, но и достойной награды!

По его знаку старший стражник повел меня в приемную залу. Еще не веря своему спасению и с трудом передвигая ноги от пережитого ужаса, я двинулся во дворец. Спиной я чувствовал пышущее злобой дыхание конвоира, игравшего обнаженной саблей и готового под удобным предлогом снести мне голову. Но судьба сжалилась надо мной, и вскоре я предстал перед правителем живым и невредимым.

Он отпустил стражника, сел на богато украшенный трон и тихо сказал:

– Если ты принес известие, которое я давно жду – получишь целую горсть отборного жемчуга, – он достал из потайного места шитый золотом увесистый кошель, подбросил его на ладони и положил рядом с собой на столик. – Так где же письмо?

Меня порадовала щедрость эмира, я поклонился ему и ответил:

– О, источник милостей, сообщение визиря написано на моей голове. Прикажи остричь ее, и ты все узнаешь.

Лицо эмира осветилось улыбкой. Он вызвал стражника и тот отвел меня в соседнюю залу. Через короткое время пришел цирюльник, сбрил мои едва отросшие волосы и удалился. Оставшись в одиночестве, я вольготно развалился в одном из кресел, погладил холодеющую лысину и слегка прикрыл глаза. Мне было чему радоваться: опасное предприятие, которым я занимался последние дни и из-за которого едва не потерял голову, завершено! Осталось только получить все обещанные мне награды, что, конечно-же, не составит особого труда! Охваченный восторгом, я подумал: а ведь этот мир не так уж и плохо устроен! Перед моим мысленным взором закружились волны розового тумана с картинами будущей счастливой жизни. Мне представились собственная лавочка со всевозможными товарами, улыбка жена с круглыми щеками, радующие сердце дети – помощники по хозяйству...

Но я вырвался из плена сладких грез и вскочил на ноги. Разве теперь можно было терять время?! До исполнения самых смелых желаний остался только один

шаг! Но я никак не мог его сделать: мой конвоир куда-то запропастился! Я подбежал к выходу и позвал его, но никто не отозвался. Мне пришлось стреножить нетерпение и предоставить событиям идти своим чередом.

Я прошелся по зале, любуясь красивыми вазами, коврами и редкими предметами, привезенными со всех концов света. Особенно удивило меня большое индийское зеркало высотой в рост человека. Такое же, только значительно меньше, было у моего хозяина в аль-Кахире, и мы с его детьми часто баловались перед ним, пугая друг друга страшными гримасами. А сейчас перед мной возникло отражение взрослого человека с бритой головой и в халате, где заплат было больше, чем звезд на небе. Я стал крутиться перед зеркалом, дивясь своему выдавшему виду наряду и весело подмигивая самому себе. Вдруг на голове мелькнула надпись, адресованная эмиру. Всмотревшись в нее, я понял, что она выполнена моим любимым почерком рика[8 - Рика - один из самых распространенных почерков арабского и персидского письма.] и разобрал несколько слов: «В полнолуние приходи с войском к южным воротам. В полночь мои люди их откроют...» Я остолбенел от негодования: визирь отдавал своего повелителя в руки его злейшего врага и делал меня соучастником низкой измены!

Немного придя в себя, я обнаружил, что текст продолжается на затылок, но разглядеть его было невозможно. Осмотревшись вокруг, я нашел небольшое зеркальце, взял его в руку и прочитал концовку надписи. Она была короткой: «Гонца убей!» В моих глазах потемнело: мой хозяин, желая скрыть свое низкое предательство, устроил для меня смертельную ловушку!

И тут снаружи слышались тяжелые шаги: это палач шел за мной! У меня мелькнула мысль: «Как глупо устроена жизнь! Когда стражник был мне нужен, до него нельзя было докричаться. А когда встреча с ним грозит мне смертью, он – тут как тут! Так в арабских сказках из простых завихрений воздуха в одно мгновение возникает злосердный джинн – карающий меч рока!» Однако размышлять о превратностях судьбы было некогда, нужно было спасти свою жизнь!

Я схватил со стола небольшую каменную статуэтку и спрятался за занавеской. Конвоир вошел и в поисках меня начал оглядывать залу. Когда он повернулся ко мне спиной, я оглушил его, быстро переоделся в его халат и накрутил на голову его тюрбан. Стараясь не спешить, я направился к выходу. Во дворе никого не было, лишь в тени деревьев дремали разомлевшие от жары охранники дворца. Я

благополучно миновал их и направился к городским воротам. Пока все шло хорошо, но в любой миг слуги эмира могли хватиться пропавшего стражника и поднять тревогу. И тогда никто не дал бы за мою бедную голову даже косточки от финика. И эта угроза придала мне бодрости.

Недолго поплутав в сплетении узких улиц, я вышел к цели. Двое воинов, примостившись на скамеечке у городских ворот, играли в кости. Один из них поднялся, чтобы проверить меня. Я похолодел: похищенную мной одежду легко могли узнать!

Но тут второй воин закричал первому:

– О, поводырь обмана, ты вытянул у меня все деньги и не даешь отыграться!

Он вскочил со скамьи и с мстительной яростью ограбленного вцепился в горло своего обидчика. Тот ударил незадачливого игрока ногой в пах и придушенным голосом прохрипел:

– О, выползый скорпиона, эти деньги я выиграл честно...

Они упали и проклиная друг друга, покатались по земле. Их тут же окутало густое облако пыли.

Я быстро проскользнул в ворота и скрылся в ближайшей рощице. Оказавшись в безопасности, я успокоился, осмотрел свою новую одежду и обнаружил привязанный к поясу туго набитый кошель. В нем лежали мои честно заработанные дирхемы и много медных монет, отобранных жадным стражником у бедняков. В ближайшем городе я раздал их нищим, считая это справедливым.

Абиссинец вздохнул и задумался, как бы заново переживая произошедшее с ним.

Ренье спросил:

– А что случилось с предавшим тебя визирем?

– Через несколько дней после своего чудесного спасения я встретил знакомого купца из дорогого моему сердцу Калиба. Он поведал мне невероятную новость: «О, почтенный Масум! Тебя не было в городе, а значит, ты ничего не слышал о недавнем происшествии! Так знай: наш бдительный эмир, да будут счастливыми его дни, раскрыл заговор, толки о котором в последнее время отравляли ему жизнь и смущали его славных подданных. Ты сильно удивишься, когда я скажу, что на правителя злоумышлял его же собственный визирь! В это невозможно было бы поверить, если бы он сам во всем не признался! Вчера его торжественно обезглавили при великом стечении народа!.. Ты известен мне как достойный уважения человек. Подумай, стоит ли тебе возвращаться в дом бывшего хозяина? Ведь у эмира наверняка остались какие-то вопросы по этому темному делу! И надо ли тебе отвечать на них?..»

Юноша с жаром прервал абиссинца:

– Неужели ты и в самом деле мог вернуться в это гнездо стервятников?!

– Конечно, нет! Я от всей души поблагодарил участливого купца за предупреждение и тепло простился с ним. Весть о печальном конце визиря не обрадовала, но и не расстроила меня. Правда, мое положение круто изменилось: я обрел долгожданную свободу. И это было справедливо, ибо я честно выполнил поручение покойного!

Он полюбовался своим добротным халатом, бережно расправил на нем складки и подвел итог необычайным приключениям:

– Эфемерна нить, удерживающая человека на этом свете. И чем она тоньше, тем больше он мечтает о бессмертии. Один мудрец сказал, что жизнь каждого из нас похожа на суетное сватовство к вечности:

Для верности в жизни нет места,

К обманам ее будь готов.

Знай: мир наш – старуханевеста

С несчетной толпой женихов.[9 - По мотивам: Хафиз. Пер. с перс. Ф. Корша. 1916.]

Ренье задумчиво произнес:

- В этом что-то есть... Старуханевеста и вправду не жалуется своих обожателей...

Масум постарался успокоить юношу:

- Зато мы можем изредка вкушать незатейливых радостей бытия, полюбоваться синим небом и помечтать о долине правды и справедливости!

Ренье с уважением посмотрел на многострадального скитальца, медленно допил воду из своей чашки и спросил:

- А что это за долина?..

Но ответа не услышал: по его телу разлилось приятное тепло, глаза закрылись, и глубокий сон принял его в свои обволакивающие объятия.

Зов Востока

Прекрасная Алиенора наслаждалась вольной скачкой. Вышколенная лошадь чувствовала восторженное настроение хозяйки и не разбирая дороги, летела по заросшей густой травой всхолмленной долине. Сопровождавшие ее знатные дамы и кавалеры поневоле втянулись в гонку, рассыпавшись разноцветным веером по зеленому простору. Натешившись рискованной ездой, королева повернула к лагерной стоянке, придержала разгоряченную лошадь и медленно подъехала к своему шатру. Мужской костюм, одеваемый ею на прогулки, подчеркивал изящество ее фигуры и позволял показать изысканные манеры опытной наездницы. Сотни восторженных глаз любовались ею, славные рыцари сходили с ума, видя соблазнительную амазонку прямо перед собой. Внешне она выказывала полное безразличие ко всеобщему обожанию, ее лицо сохраняло привычное выражение спокойной уверенности и холодной невозмутимости, но

ее сердце ликовало от сладостного ощущения власти над людьми, какую дает только истинная красота!

Король Людовик выехал навстречу любимой супруге, молодежато спрыгнул с коня и помог ей спешиться. Ему доставляло большое удовольствие видеть перед собой ее свежее лицо, слышать ее приятный голос, держать в своей руке ее трепетную ладонь, чувствовать исходивший от нее волнующий аромат. Он был готов считать их семейные отношения образцовыми, если бы не одно досадное обстоятельство. Алиенора отличалась общительностью, любила шумные компании и не упускала случая выставить напоказ свои прелести. Это вызывало в нем глухое раздражение и нестерпимое желание скрыть ее красоту от посторонних взоров.

И теперь он попытался пробудить в ней чувство опасности и тем самым ограничить размах ее увеселений:

– Ты очень неосторожна. Мы идем по чужим землям и в любой миг отовсюду может вылететь смертоносная стрела. Идущая впереди нас армия германского императора Конрада не церемонится с поселянами. Когда мы приходим в разоренные ею местности, озлобленные люди мстят нам, считая всех христианских паломников своими врагами.

– Разве я могу прятаться за чью-то спину?! В моих жилах течет кровь потомков завоевателей Востока! Полвека назад они захватили Иерусалим, а через несколько лет после этого мой дед Гильом принял крест[10 - «Принятие креста» или принесение «обета креста» – обряд вступления в ряды крестоносцев, включавший освящение и благословение регалий паломника: креста, посоха и сумы.] и увлек верующих Аквитании и Германии в собственный поход на Святую землю. Он собрал под свое знамя сто тысяч подвижников веры! Я хочу быть достойной славы моих предков!

Людовик помрачнел. Гордые аквитанцы издревле кичились своей образованностью и считали себя выше своих северных соседей. Сейчас ему представился удобный случай уколоть супругу, и он не мог его упустить:

– А чем кончилось это великое предприятие? Гильом дошел до Константинополя, переправился через Босфор и двинулся в глубины Азии. При Геракле он потерпел поражение от сельджуков и бежал в Антиохию! Нетрудно представить

горькую участь ста тысяч христиан, доверившихся ему!

Королева поправила его:

– Гильом бился с врагами до изнеможения и с шестью соратниками лишь чудом вырвался из окружения. Они пришли в Антиохию в изрубленных и залитых кровью доспехах!.. Конечно, Гильом проявил себя в том походе не самым удачливым полководцем. Но потом он искупил свою вину, сражаясь с маврами в Андалусии[11 - Андалусия – название Пиренейского полуострова у мавров, в то время владевших значительной его частью.]: вместе с арагонцами защищал Сарагосу, а в союзе с кастильцами штурмовал Кордову, – она воодушевилась. – Он прославился и другими талантами. С него началась наша поэзия и он первым получил славное прозвание «трубадур»! Это был по-настоящему куртуазный рыцарь и блистательный воспеватель прекрасных дам!

Услышав ругательные для него слова «трубадур» и «куртуазный», Людовик разозлился не на шутку:

– Все его стихи и песни восхваляют сластолюбие и разврат! Да и его собственная жизнь не служит образцом праведности. Недаром его дважды отлучали от церкви!

– И дважды прощали! А его преданность христианству перешла к его потомкам. Как ты знаешь, князь де Пуатье, его сын, и мой дядя, ныне правит Антиохией и ведет жестокие войны с сельджуками.

Упоминание имени прославленного князя успокоило Людовика, и он смиренно сказал:

– В этом я тобой согласен. Наследники Гильома известны своей преданностью церкви и достойны уважения. И я преклоняюсь перед тобой за готовность идти в Палестину.

Взор Алиеноры смягчился:

– Благодарю тебя за доброе слово... В Аквитании принято сочинять стихи и петь песни в честь прекрасных дам. Что в этом плохого? Пусть все видят: женщины

не жалуются на трудности пути, а безропотно несут свой крест!

Король замялся:

– Видишь ли... Твое откровенное одеяние вводит крестоносцев в искушение. И некоторые из них позволяют себе вольные замечания.

В ее глазах мелькнула тень недовольства, и он постарался сгладить остроту разговора:

– Господь свидетель: я хочу тебе только блага... Но среди паломников ходят всякие сплетни... Они могут запятнать твое имя...

– А ты не забыл, как рыцарь должен защитить честь своей жены от болтливых наглецов?!

Он смешался и не нашелся с ответом. Вызвать кого-нибудь на поединок, не имея конкретного повода, было бы верхом сумасбродства!.. Внутри он кипел от недовольства собой. Почему он поддался уговорам короля Конрада идти на Святую землю по суше, через Константинополь?! Этот путь был выгоден только германцам: они рассчитывали на хороший прием в Византии, поскольку Конрад находился в родстве с ее императором Мануилом. Нужно было соглашаться на предложение сицилийского короля Роджера и переправиться в Палестину с помощью его флота. Это заняло бы значительно меньше времени, а, главное, ему удалось бы уберечь Алиенору от излишних соблазнов... Но что проку от запоздалого прозрения?!

Он холодно поклонился супруге и в полном расстройстве отправился отдыхать.

В последние годы Алиенору выводили из себя неуместные проповеди Людовика. Они поженились, когда им исполнилось по пятнадцати лет и вскоре выяснилось, что они очень разные люди. Она выросла в вольной Аквитании и с молоком матери впитала царившую там свободу нравов. Людовика же, как младшего сына французского короля, с детства готовили к церковной карьере и воспитывали в монастыре. Внезапная смерть старшего брата резко изменила его судьбу: он стал наследником престола и его женили на Алиеноре. Вскоре после их свадьбы король умер, и юная чета заняла освободившийся трон.

В Аквитании северных франков всегда считали варварами и неотесанными мужланами, и Алиенора привезла с собой в Париж просвещенных людей, рассчитывая переменить местные нравы к лучшему. В своих мечтах она видела себя гостеприимной хозяйкой роскошного двора, окруженной вниманием благородных рыцарей. Но действительность оказалась иной. Людовик не выказывал внешних признаков обожания жены. Он просто не умел этого делать и за десять лет совместной жизни почти не изменился, оставшись монастырским отшельником с фанатичной набожностью.

Правда, иногда у него прорывалась внезапная страсть, но он не мог разжечь у супруги ответное желание и устроить изысканное пиршество любви для двоих. Он торопился вкусить вожделенный плод, уподобившись монаху, овладевшему женщиной в сладкий миг, когда Господь отвлекся, и стремящемуся кончить дело, пока тот вновь не впери в него свои грозные очи.

У нее усиливались внутренняя неудовлетворенность и смутное желание испытать некое романтическое увлечение. С самой ранней юности ей запомнилось чье-то изречение: «Мир полон ужасов. Лишь совершенная любовь делает человека отважным, побеждает страх и приносит высшее счастье». Но шли годы, а ее жизнь была наполнена разочарованиями и тоскливыми сомнениями: «Существует ли совершенная любовь и как повстречать ее?» Время летело вперед, не давая ответа...

Подойдя к шатру, она встряхнула головой и отбросила грустные мысли. Служанки окружили уставшую госпожу, отвели ее в роскошные покои, сняли с нее пыльное одеяние и искупали в теплой ароматной ванне. После отдыха к ней вернулась обычная душевная легкость.

Необычайное путешествие захватило избалованную королеву. Она восхищалась красотой первозданной природы, величественными горами, бескрайними цветущими долинами и многоводными реками. Восточный ветер нес какую-то особенную свежесть, волновал кровь и манил в неведомые дали. Еще в детстве она слышала рассказы о подвигах своих знаменитых предков, участвовавших в первом великом паломничестве. С тех давних пор на Святой земле поселилось много выходцев из Аквитании и Тулузского графства. Об их жизни ходили самые разноречивые слухи: то они нежились в сказочной восточной роскоши, то насмерть сражались с коварными и жестокими сарацинами. Со временем ее охватила смутная очарованность Востоком и ей захотелось увидеть все собственными глазами.

Она любила смотреть на колонну пилигримов, тянущуюся от далекого горизонта. Вид медленно ползущей железной лавины завораживал. Рыцари в блестящих доспехах и с крестами на плащах ехали по дороге, утоптанной тысячами кованых копыт. Отряды ратников тяжелыми шагами мерили свой долгий путь. За ними тащились повозки с оружием и припасами. В конце ехали пронырливые купцы, снабжавшие крестоносцев товарами и по дешевке скупавшие у них добычу. Замкнутой компанией держались оборотистые ростовщики, ссужавшие обедневших воинов деньгами под клятвы расплатиться грядущей наживой. Неумолчный скрип колес, пронзительные звуки труб, топот копыт бесчисленных лошадей и крики вьючных животных разносились по окрестностям, нарушая извечный покой девственной природы...

В самом начале золотой осени, после пяти месяцев пути, паломники вышли к предместьям Константинополя. Далеко позади, в густом тумане прошлого, осталась долгая дорога от места сбора у города Мец до окраин христианского мира: трудная переправа через Рейн, плавание по величественному Дунаю, путешествие по широким долинам и горным перевалам Венгрии, Болгарии, Сербии, Фракии и Македонии.

Сердце Алиеноры учащенно забилося: сейчас она увидит самый большой и красивый город мира, называемый «Новым Римом»! Они с Людовиком поднялись на ближайший холм и замерли в восхищении. На клиновидном полуострове, далеко вдававшемся в море, стояла мощная крепость. Две ее стены с могучими башнями проходили по урезу воды, третья стена с глубоким рвом перекрывала подход с суши. Внутреннее пространство города было заполнено красивыми дворцами, многоэтажными зданиями, величественными памятниками, высокими колоннами и арками. Широкие площади и зеленые рощицы соединялись целой паутиной улиц. В центре выделялся гигантский ипподром. Сияние золотых куполов бесчисленных храмов слепило глаза. К северной границе города примыкала обширная гавань, заполненная множеством кораблей. Они размеренно покачивались на волнах, не замечая окружающей их людской суеты, и наполняя сердца романтиков неизъяснимым желанием дальних странствий.

Император Мануил выслал навстречу паломникам знатных вельмож и представителей клира. Коронованные особы, сопровождаемые пышной свитой, торжественно въехали в город. Их приветствовала ликующая толпа византийцев, вышедших поглазеть на «варваров», к коим гордые наследники великого Рима снисходительно относили франков.

В честь королевской четы был устроен пышный прием в императорском дворце. Пол гигантской парадной залы был покрыт отполированными мраморными плитами, стены украшены многоцветными мозаичными картинами, ряды позолоченных колонн сияли яркими бликами. Мануил сидел на золотом троне, инкрустированном драгоценными камнями. Его окружала толпа сановников в одеждах, блиставших золотом и серебром. Он встретил высоких гостей с широкой улыбкой. Но глаза его сверкали льдом: прибытие беспокойного воинства не сулило Византии ничего хорошего. Он только что спровадил за пролив Босфор армию германского императора Конрада и теперь думал, как бы избавиться от новых пришельцев.

Когда церемония закончилась, гостей сопроводили в загородный дворец императора, расположенный в обширном лесу, кишящем дикими зверями. И здесь все сияло золотом и дышало негой. Алиенора ликовала: вот она, настоящая восточная сказка!

Мануил позаботился о том, чтобы предводители паломников не скучали: шумные охоты сменялись тихими прогулками по живописным окрестностям, обильные пиры – посещениями ипподрома с его сумасшедшими скачками. Неизгладимое впечатление на гостей произвел собор Святой Софии, считавшийся одним из чудес света. Его гигантский купол, поддерживаемый четырьмя колоннами, казалось, парил под самыми облаками. Девять огромных дверей с трудом справлялись с потоками посетителей. Стены и колонны были отделаны гранитом, порфиром, мрамором и украшены слоновой костью и драгоценными камнями.

Алиенора была потрясена увиденным. Константинополь и в самом деле был местом встречи Востока и Запада. Кто владел им, тот владел миром! Здесь пересекались важнейшие торговые пути и сюда стекались сокровища со всего света. Тулуза, Париж и блистательные города Аквитании невольно потускнели в ее глазах. Да и как они могли сравниться с этим средоточием неземного великолепия и неопикуемых богатств?!

Она познакомилась с влиятельными сановниками и богатыми купцами. Среди них было много уроженцев Венеции, Генуи и Пизы, исповедовавших католическую веру. Они составляли важнейшую опору православной власти Мануила, рождая в местном населении недовольство засильем пришлых людей.

Сильное впечатление произвел на нее двоюродный брат императора Андроник, отличавшийся образованностью и красноречием. Высокий статный красавец пользовался успехом у дам и охотно отвечал им взаимностью. Она подумала, что он больше похож на василевса, нежели Мануил, выглядевший несколько простовато. Правда, Андроник вызвал у нее настороженность: в его общении с гостями проскальзывало едва скрытое превосходство.

Незаметно полетели беззаботные дни. И однажды в разгар очередного пира во дворец прибыл гонец от Конрада. Мануил нетвердой рукой принял свиток, развернул его и бегло прочитал написанное. Он поднял руку, требуя внимания и в наступившей тишине объявил:

– Германский император успешно сражается с сельджуками. Он освободил несколько городов, захватил несметные сокровища и множество прекрасных рабынь!

Людовик побелел от зависти:

– Когда же он успел? Ведь германцы переправились на восточный берег пролива незадолго до нашего прихода!

– Счастье летит к смелому! Император идет вперед и побеждает!

Зал возбужденно загудел. Василевс сел в кресло, наклонился к уху расстроенного короля и прошептал:

– Если ты будешь медлить, твоему войску останется только глотать пыль, следуя по пятам удачливого Конрада. А честь великого триумфатора достанется ему одному!

Людовик заволновался, и подумал: «Мануил прав! Надо немедленно идти вперед и брать свою долю славы и добычи!» Стараясь не выдать своего внутреннего смятения, он со всей возможной твердостью сказал императору:

– Христианский долг зовет нас вперед... Мы выступаем завтра! Прошу тебя помочь нам с переправой через пролив.

Мануил с трудом скрыл ликование, немного помедлил, изображая раздумья и ответил:

– Корабли будут готовы к восходу солнца!

По его знаку вельможи и военачальники бросились выполнять приказание, а высокие гости продолжили веселье.

Наследники Рима

Тихое осеннее утро Мануил и Андроник встретили на крепостной стене Константинополя. Лучи солнца, поднимавшегося из кровавой мглы на востоке, осветили гигантский лагерь крестоносцев. В нем царила невообразимая суэта. Отряды воинов наперегонки спешили в гавань, где на легкой ряби покачивались стройные ряды готовых к отплытию кораблей.

Радостно потирая руки, Андроник сказал:

– Наконец-то мы избавились от незваных гостей!

Мануил в знак согласия покачал головой:

– Не только незваных, но и опасных! Они повсюду шныряли, всем интересовались и все считали. Королю нашептывали: «Сир, Константинополь всегда был знаменит своими богатствами. На самом же деле его сокровища превосходят славу о них!»

– Я слышал от одного барона хамский упрек: «Вы сосредоточили у себя две трети золота мира, оставив остальным жалкую треть! Где же тут справедливость?» Он напомнил мне наглому волку из притчи, который пришел к людям, пожаловался на трудную жизнь и попросил их отдать ему овцу во имя высшей справедливости!

Император осклабился:

– Они настолько увлеклись разговорами о захвате города, что забыли о цели своего похода... Мне пришлось направить Людовика на праведный путь.

Андроника осенило, и он восторженно вскричал:

– Так вот откуда взялся гонец от Конрада!

– Господь простит мне невинную хитрость, придуманную для спасения державы, – он перекрестился. – Пусть-ка паломники разберутся с сельджуками!

– Ты – гений! Надеюсь, латиняне, возжаждавшие сказочных сокровищ и страстной любви покладистых смуглянок, упокоятся на просторах Азии!

– Мне не хотелось бы желать им смерти... Все-таки они наши союзники...

– Скорее, первейшие враги! Мы – единственные наследники великого Рима. Они же не устают оспаривать эту истину. И дошли до того, что папа Римский сто лет назад расколол христианскую церковь! Тогда его легаты прибыли в Константинополь и возложили на алтарь храма Святой Софии грамоту о предании анафеме нашего патриарха. А тот совершенно справедливо расплатился с папой и его представителями той же монетой!

Василевс страдальчески скривился:

– Как я знаю, все началось с того, что наш патриарх закрыл латинские церкви в Константинополе...

Однако Андроник хорошо знал историю вопроса и обоснованно возразил:

– Их храмы были закрыты в ответ на требование папы подчинить ему православную церковь!

Мануил примирительно приподнял руки:

– Не будем копаться в далеком прошлом. Все-таки латиняне – это не самое большое зло мира. Ромейскую державу[12 - Ромейская держава – одно из средневековых названий Византии.] всегда окружали недруги. И каждый из них

старался хоть что-нибудь откусить от империи? И арабы, и персы, и гунны, и готы, и русы, и болгары, и норманны, и печенеги, и венгры!.. Однако пятьдесят лет назад, когда к стенам Константинополя подступили несметные полчища сельджуков, нам помог именно папа Римский! Он объявил первое великое паломничество на Восток!

– Да, объявил. Но не обошелся без обычного латинского коварства: сделал это только после третьей просьбы! Он хотел, чтобы нас изрядно потрепали, и мы стали поговорчивее! И потом, прибыв в Константинополь, крестоносцы уклонились от решительного наступления в Азию, а пошли освобождать Иерусалим с Гробом Господним! При этом они поклялись передать нам завоеванные города. Но слова своего не сдержали, а создали отдельное Иерусалимское королевство и несколько мелких государств, – Андроник язвительно добавил. – Уж очень вкусными оказались доходы от приобретенных земель! Да и как безродным воинам удержаться от соблазна в одно мгновение стать графами, а то и князьями!

Василевс попытался умерить анти-латинский пыл брата:

– Ты несправедлив к франкам. Только благодаря их военным успехам нам тогда удалось вернуть некоторые территории. А наше старейшее владение, Антиохийское княжество, с тех пор вернулось под руку василевсов.

– Вернулось, но очень условно. Латиняне изгнали оттуда православного патриарха и поставили на его место католика! То же самое они сделали и в Иерусалиме! И добились-таки своего: сегодня наше влияние в Палестине ничтожно.

– Что делать?.. Таков расклад сил...

Мануил решил отвлечь Андроника от мрачных мыслей, и он показал рукой на флот, шедший через пролив под свежим попутным ветром:

– Посмотри на эту лавину, несущуюся навстречу своей судьбе. Разве ее могла родить воля смертных, сколь бы великими они ни были?! Конечно, нет! Это творение держателя высшей истины. Когда-то он нарек Палестину землей обетованной! С тех пор Иерусалим стал осью мира, и надежды множества людей вращаются вокруг него!

Андроник усмехнулся:

– Для многих Святая земля – это обретенный Офир[13 - Офир – легендарная страна, полная золота, драгоценных камней, слоновой костью, красным и сандаловым деревьями. Упоминается в Библии.]! На самом деле она больше похожа на кладбище с забытыми могилами наивных мечтателей, да алчных кондотьеров. Прежде, чем идти на край света, им стоило бы спросить у самих себя: «Что мы знаем о Востоке, и что можем предложить его народам, кроме войны и своего господства?» Есть мудрые стихи:

Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут.

Пока не предстанут Небо с Землей на Страшный Господень суд.

Но нет Востока и Запада нет, что – племя, родина, род?

Если сильный с сильным, лицом к лицу, у края земли встает?[14 - Редьярд Киплинг. Пер. с англ. Е. Полонской. 1936.]

Мануил с уважением посмотрел на брата и похвалил его:

– Сказано красиво!.. И правильно!.. Изучение искусств приносит тебе большую пользу!

– Пока Восток и Запад существуют отдельно, войны не кончатся!

– Согласен. Святая земля – это сакральное место, где они сталкиваются. Сельджуки медленно напозают на Сирию и рано или поздно выйдут к Иерусалиму. Полчища латинян через полмира идут сюда, чтобы зацепиться за Палестину хотя бы коготком. Аббасидский халиф в Багдаде и Фатимидский халиф в Каире[15 - Аббасидские халифы властвовали в Багдаде и выводили свое происхождение от Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба – дяди пророка Мухаммеда. Фатимидские халифы правили в Египте и считали своими родоначальниками халифа Али ибн Абу Талиба и его супругу Фатиму, дочь

пророка Мухаммеда. Династии были независимы друг от друга.] забыли свою извечную вражду и стараются сбросить пришельцев в море. Даже безобидные иудеи вспомнили вдруг о своем героическом прошлом и породили мессию. Он призывает рассеянных по свету единоверцев собраться и двинуться на Иерусалим, чтобы восстановить царство Израиля! И этого ему мало! Он хочет объединить под своей рукой племена всего мира, сделать их равными, сытыми и счастливыми!

Андроник ядовито хмыкнул:

– Голодранцам эта идея понравится... А нам как жить посреди вселенского безумия?

– Воевать со всеми невозможно: не хватит ни сил, ни денег! Нужно правильно обхаживать предводителей окружающих нас народов: обнадеживать их посулами, стравливать друг с другом! А слабых – поработать мечом...

Андроник неопределенно пожал плечами. Поднимающееся солнце припекало все сильнее, и братья спустились по внутренней лестнице в дворцовый сад. Пользуясь добрым настроением Мануила, Андроник вернулся к обсуждению своей излюбленной темы:

– Мы зря потворствуем латинянам! Когда-то наши василевсы подарили Венеции «Золотую буллу»[16 - Золотая булла – договор Византии с Венецией, подписанный в 1082 г. В обмен на военную помощь в защите от сицилийцев, венецианцы получили большие торговые льготы на территории империи.] с торговыми привилегиями и предоставили купцам Генуи и Пизы многие льготы. Иностранцы наживают несусветные барыши и пьют кровь у православных тружеников... Пора восстановить справедливость! Народ мечтает оторвать этих пиявок от своего тела и раздавить их, – и он вкрадчиво добавил. – Люди ждут сигнала...

– Нет, я не допущу резни! Сотрудничество с Венецией и торговыми городами очень выгодно для нас. Не забывай, они не раз помогали нам воевать против короля Сицилии и прочих любителей легкой наживы!

Но Андроник был последователен в своей ненависти к католикам:

– Когда-нибудь Рим объединит мечи франков и золото Венеции. И эта сила возьмет все, что захочет. А самая лакомая добыча для них – Константинополь!

Мануил примирительно улыбнулся:

– Мой верный друг, не преувеличивай возможности латинян... Будем надеяться на лучшее. Сегодня мы избавились от очередной орды искателей высшей справедливости, значит, мы на верном пути... Да не оставит нас Господь в наших заботах и впредь!

Братья усердно перекрестились и разошлись по своим делам...

Державный изгой

Ущербная луна скупым бледным светом заливала спящий византийский лагерь. Командиры и простые воины, утомленные тяжелым походом, спали в палатках. Безмолвные дозоры смежающимися от дневной усталости глазами осматривали вверенные им участки окружающей местности.

Андроник нервно ходил по шатру в ожидании тайного посланца венгерского короля Гезы. Давно копившееся раздражение билось злыми толчками в его висках и изливалось в голову крамольными мыслями: «Почему императором ромеев стал Мануил, а не я, наделенный отвагой и удалью, умом и телесной силой? Много лет он держит меня в стороне от власти, дает мелкие поручения и тем унижает мое достоинство. В то же время василевс привечает латинских купцов и потворствует им в угнетении простых людей, – он сжал кулаки. – Но скоро все изменится: ошибки судьбы исправляют люди, и я восстановлю справедливость!»

Снаружи слышались крадущиеся шаги и в неверном свете лампадки в шатер проскользнула неясная фигура лазутчика. Он поклонился Андронику и приглушенно сказал:

– Господин, мой повелитель передает тебе слова поддержки. Он спрашивает, готов ли ты отстранить Мануила от власти или будешь смиренно ждать конца

его земного пути?

– Ожидание – удел слабых. Мой язык присягнул императору в верности, но мой меч свободен от клятв!

Пронзительные глаза пришельца испытующе впились в лицо Андроника:

– Господь наградил тебя поистине бесстрашным сердцем. Наше войско в готовности стоит у границы, и король ждет от тебя знака, чтобы бросить его на помощь тебе.

– Я убью Мануила на ближайшей же встрече! Это и будет сигналом для Гезы! А как только я овладею ромейским престолом, он получит фемы[17 - Фема – приграничный округ в Византии.], на которые претендует.

Лисья физиономия лазутчика расплылась в довольной улыбке:

– Прямой путь вернее всего ведет к цели! У тебя все получится, ведь Господу угодно, чтобы миром правили сильные. Сказанное тобой будет передано королю, – он поклонился и исчез в ночной тишине.

Сердце Андроника взволнованно забилось, и он подумал: «Может быть, навестить императора прямо сейчас? Похоже, стража спит, иначе тайный гость не смог бы так легко пробраться в лагерь. Когда еще представится удобный случай пообщаться с Мануилом?!»

С юности он любил перечитывать послания Святого Апостола Павла, и сейчас в его памяти всплыли вещие слова: «И готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный». Как будто внезапная вспышка молнии разогнала туман сомнений в его голове, и он со всей ясностью увидел кратчайший путь, ведущий к вождьленному венцу!

Он достал бережно хранимый дамасский клинок и вынул его из ножен. Когда-то, после жестокой битвы, плененный им эмир сказал, отдавая оружие: «Его имя – "Несущий смерть"! Он парализует волю противника своим сиянием, рассекает любые доспехи и пьет горячую кровь побежденного!»

Сейчас ему требовался именно такой помощник! Андроник сжал ладонью холодную рукоять меча, попробовал пальцем остро отточенное лезвие и стараясь не шуметь, вышел наружу. Пригибаясь на открытых местах и прячась в тени редких деревьев, он подобрался к шатру василевса. У входа в него, в свете догорающих факелов, стояли два воина, в легкой дремоте опираясь на копья. Он обогнул поляну, подкрался к шатру с противоположной стороны, осторожно разрезал шелк и шагнул в душную тьму. Слабый огонек небольшого ночника отбрасывал по сторонам колеблющиеся тени. Андроник замер, стараясь сориентироваться в мутной мгле.

Внезапно внутренность шатра осветилась. Вспыхнули факелы, разбрызгивая мелкие шипящие искры, и на мгновение ослепили его. Но зрение быстро вернулось, и он увидел перед собой Мануила, сидящего в походном кресле! Вокруг него с обнаженными мечами стояли суровые норманны[18 - Норманны – воины скандинавского происхождения, на профессиональной основе служившие в императорской гвардии Византии. Отличались исключительной преданностью, воинственностью и выучкой.].

Андроник сжал рукоять клинка, готовый броситься на окаянного конкурента. Но холодный расчет остановил его: на нем не было ни панциря, ни шлема, и схватка с профессиональными бойцами, облаченными в полное вооружение, была заведомо проигранной. Повисло напряженное молчание. Василевс посмотрел брату в глаза и спросил:

– У тебя появилось срочное дело? – он принужденно улыбнулся. – Говори, я слушаю!

Андроник молчал и с тоской смотрел на свой клинок, сверкавший огненными бликами.

Император тяжело поднялся с кресла:

– Мои люди давно следят за твоими тайными гостями и слушают ваши разговоры. Я знаю все о каждом твоём шаге. Умельцы сейчас допрашивают лазутчика... Думаю, он расскажет много интересного. А ты отправишься в темницу Большого дворца Константинополя.

Он кивнул головой воинам, те забрали у растерявшегося Андроника оружие и вывели его наружу...

Проведя несколько лет в каменном склепе, он с ужасающей ясностью осознал: скорее он сгниет в глухом подвале, чем дождется прощения Мануила. Внимательный осмотр подземелья дал некоторую надежду на освобождение: одна из плит пола слегка покачивалась. Он поднял ее и обнаружил под ней полузасыпанный подземный ход. Захватив остатки еды, он скрылся в новом убежище и аккуратно поставил плиту на место. На другой день он услышал над собой топот множества ног и крики надзирателей. Его «побег» обнаружили! Впервые за годы заключения у него было прекрасное настроение: «Пусть Мануил ломает голову над тем, куда делся опасный претендент на трон!»

Вскоре шум стих, и он понял, что поиски переместились в дворцовый сад и на улицы города. Он задремал и проснулся от звука чьих-то легких шагов над головой. Видимо, в камеру бросили другого заключенного. Он подождал, когда все успокоилось, осторожно приподнял плиту и выглянул наружу. В углу, в неверном свете свечи, виднелась фигура женщины, закутанной в покрывало. Андроник выбрался из убежища и осторожно подошел к ней. Несчастная подняла голову, всмотрелась в него, вскрикнула и стала истоиво креститься. С удивлением он узнал в таинственной узнице свою жену! Он схватил ее руки, прижал их к своим щекам и стал ее успокаивать:

– Это же я, твой Андроник! Живой и невредимый!

Женщина находилась в полуобморочном состоянии и иступленно шептала:

– Тень Андроника! Вернись в царство мертвых!

Недоразумение разрешилось лишь после долгих уговоров. Она приникла к огромной груди мужа, заплакала и сквозь слезы объяснила произошедшее с ней:

– Мануил приказал бросить меня в подземелье... Его приближенные решили, что я устроила твой побег... И они подозревают меня в колдовстве!

– Причем здесь колдовство?!

– После твоего исчезновения все запоры и решетки оказались на месте. Стражники сказали, что я обратила тебя в птицу, и ты на их глазах улетел на волю! Сейчас поднялся большой шум, и тебя ищут по всей империи.

Андроник радостно потер руки:

– Пусть-ка Мануил займется ловлей птиц... А, заодно, и допросами их!

Они рассмеялись и обнялись. Андроник, истосковавшийся по женскому теплу, почувствовал необычайный подъем сил. Забыв обо всем, он грубо овладел женой. Она испуганно смотрела на искаженное страстью лицо мужа и послушно принимала его жадные и торопливые ласки. Наконец, он обессиленно затих на грязном полу, обняв спутницу своей незадачливой жизни. Забытые мутным туманом накрыло его.

...Радуюсь своей нерастроченной силе и предчувствуя близкое удовольствие, он подошел к краю бассейна. Его поверхность была покрыта ароматными лепестками багряных роз, скрывавших прелести купавшейся там девушки. Он тихо опустился в воду и осторожно нырнул к соблазнительной добыче. Ее полные бедра оказались совсем близко, и он схватил их своими ладонями. Девушка забарабанила по воде руками. С замиранием сердца он потянулся губами к возжеленному месту, но ударился обо что-то твердое...

Он очнулся, потер нос, ушибленный о каменный пол и огляделся. В подземелье было жарко и застоявшееся зловоние вызывало тошноту. Рядом спала жена, уткнувшись лицом в гнилую солому. Он вздохнул, выбрал место поудобнее и провалился в беспмятный сон.

Снова полетели безликие месяцы неволи. Его младший сын Иоанн, приносивший еду матери, стал делиться со стражниками вином и быстро вошел к ним в доверие. И однажды он сделал слепок с ключей от тюрьмы. Дома изготовили дубликаты и передали их заключенному. Темной ночью Андроник попрощался с женой, бесшумно открыл двери подземелья, выбрался в дворцовый сад и двинулся к условленному месту стены, где с другой стороны его должен был ждать верный человек. Крадучись, он преодолел почти весь путь, и уже предвкушал близкое освобождение, как в серебристом свете луны перед его животом сверкнуло стальное лезвие! Из густой тени дерева к нему шагнул высокий широкоплечий воин. Андроник понял, что сопротивление будет стоить

ему жизни, и миролюбиво сказал:

- Ты можешь опустить меч, ведь мои руки и ноги закованы в цепи!

Стражник отвел оружие и его взгляд остановился на перстне Андроника. Тот снял его с пальца, повертел им перед вспыхнувшими алчностью глазами воина и вкрадчиво сказал:

- Его цена не сравнима с наградой за мою голову!

Большой бриллиант в обрамлении белого золота завораживающе сиял россыпью голубых граней. Андронику было жаль расставаться с давним подарком жены, но свобода была дороже. Воин взял перстень своими огромными пальцами и стал его рассматривать.

Беглец посчитал сделку состоявшейся, и скрылся в кустарнике у стены. Вслушиваясь в тревожную тишину, он подобрался к нужному месту, нашел переброшенную через стену веревку и, стараясь не греметь цепями, выбрался на свободу. На морском берегу его ждала лодка. Слуга радостно приветствовал хозяина:

- Господин, какое счастье, что ты снова на воле!

Андроник забрался в утлый челн и оттолкнул его от берега. Но не успел он отдышаться, как лодку накрыла тень сторожевой галеры императорского флота. На ее носу стоял воин и его грубый голос расколол ночную тишину:

- Эй там, на корыте! Разве не знаете, что приближаться к стенам дворца василевса запрещено под страхом смертной казни? Пристаньте сюда!

Пришлось подчиниться: на палубе галеры маячили крепкие фигуры лучников, готовых выпустить стаю смертоносных стрел. Лодка соприкоснулась с кораблем, и в нее по веревочной лестнице спустился воин. С уважением посмотрев на мощного Андроника, он обратился к слуге, приняв его за хозяина:

- Кто такой? Что тут делаешь?

Парализованный ужасом «хозяин» молчал. Андронику пришлось взять инициативу в свои руки. Прикинувшись варваром, он заговорил на ломаном греческом языке:

– Замучили... работа... бежал... хозяин... поймал... плохо...

Воин рассмеялся:

– Плохо тебе? А будет еще хуже. Отдадим вас дворцовой страже, она быстренько развяжет ваши языки и разберется, какую измену вы тут готовите!

«Хозяина» бросило в жар, он обрел дар речи и подхватил спасительную игру:

– Господин, я не готовил никакой измены и не замышлял ничего плохого. Мой раб, – он показал на Андроника, – бежал. Я долго за ним гнался и едва поймал... Ты же видишь, какой это здоровяк! Он кормит всю мою семью и стоит больших денег! – он придвинулся к воину и шепнул. – Отпусти нас, я умею быть благодарным...

В подкрепление своих слов он достал тугой кошель и вложил его в грубую ладонь стражника. Тот развязал шнурок и желтый блеск на мгновение ослепил его. Золото перевесило долг службы, воин поднялся на галеру и повеселевшим голосом приказал:

– Отчаливайте! Держитесь подальше от дворца и больше не попадайтесь!

«Хозяин» поклонился верному слуге императора и осипшим голосом сказал:

– О, победоносный страж, клянусь всеми святыми: больше ты нас не увидишь! – и лодка с нарушителями исчезла в ночной мгле.

Добравшись до дому, Андроник сбил цепи и немедленно отправился в Галицкое княжество, к князю Осмомыслу, с которым был давно и хорошо знаком. Он благополучно покинул Константинополь и добрался до Валахии, но тут местная стража опознала его. Памятуя о награде, объявленной за его поимку, на родину беглеца сопровождал целый отряд валахов.

Однако Андроник легко обманул простосердечных воинов. Уверив их в слабости своего желудка, он стал им выговаривать:

– От вашей еды у меня заболел живот. Когда император узнает, что меня отравили, вам не только не заплатят, но и отрубят ваши глупые головы!

Предводитель отряда решил, что с царственным пленником надо быть поосторожнее:

– Господин, ты можешь отлучаться во всякое время. Но за тобой будут зорко следить.

Андроник стал приучать стражу к своим частым отлучкам: постоянно спешил в кусты. Шло время и бдительность воинов слабела.

Однажды отряд остановился на ночной отдых. В наступивших сумерках Андроник поднялся на пригорок, поросший редким кустарником. На виду у стражи он присел и затих. Затем он осторожно снял плащ и шляпу и повесил их рядом с собой на куст так, чтобы они напоминали силуэт сидящего человека. На стоянке все было спокойно: одни стражники хлопотали у костра, другие – лежали на траве, лениво посматривая в сторону узника.

Улучив момент, он перебежал в небольшую рощицу и спрятался в густых зарослях. Через некоторое время он услышал сигнал тревоги и крики воинов со стороны лагеря: его побег обнаружили и на него началась охота! В темноте цепь валахов прошла мимо затаившегося беглеца и, перекликаясь, удалилась в сторону границы с Галицией. Андроник пошел в противоположном направлении, туда, где его не ждали и, сделав изрядный круг, через несколько дней пересек границу в соседнем месте.

Галицкий князь Осмомысл встретил знатного беглеца с распростертыми объятиями, дал ему в кормление богатый удел и сделал его своим советником. Андроник на время забыл о своих честолюбивых мечтах и с радостью включился в местную светскую жизнь, коротая время между обильными пирами и большими охотами.

Многokrатно обманутый Мануил, узнав о судьбе брата, поначалу сильно расстроился: тот был падок на удовольствия и легко мог стать игрушкой в руках

врагов Византии. Но, поразмыслив, он понял, что примитивные развлечения варваров быстро надоедят избалованному беглецу, и тогда его можно будет легко заманить в Константинополь. Так и вышло. Скоро Андроник заскучал, и весьма кстати явившиеся к нему посланцы Мануила, два благообразных митрополита, медовыми устами уговорили его вернуться на родину.

Дерзкое похищение

Ренье проснулся от ощущения неясной тревоги. Он встал с мягкой травы и осмотрелся. Вокруг никого не было, в темном небе сияла полная луна, неподалеку журчал родник. В памяти всплыло когда-то слышанное предупреждение: «Не верь, что заросли бывают безопасными. Наверняка где-нибудь крадется тигр в поиске добычи». Эта мысль напрягла юношу: выезжая на прогулку, он не взял с собой никакого оружия.

И тут на краю поляны шевельнулись кусты и на лунный свет вышел молодой леопард. Красавец на мгновение остановился, с любопытством посмотрел на Ренье и направился к источнику. Под пятнистой шкурой зверя играли тугие мышцы, в легкой походке чувствовалась упругая сила. Подойдя к роднику, он осторожно понюхал воду, чихнул и начал быстро ее лакать. Время от времени он поднимал голову, облизывал усы и поглядывал на Ренье.

Юноша был поражен сходством леопарда с кошкой, которая жила у него дома, в Тулузском графстве.

...Она стоила больших денег, и была непревзойденной искусницей в ловле мышей. Он быстро сдружился с ней и удивлялся ее поразительному любопытству. Не было ни одного, самого потаенного уголка, который бы она не обследовала. И кто бы ни начинал что-нибудь делать, как она тут же оказывалась в центре событий, что-то вынюхивая своей усатой мордочкой. Она считала себя настоящей хозяйкой дома и по доброте кошачьей природы терпела двуногих приживал, снисходительно прощая им бессмысленную суету и бестолковый шум. Время от времени ей удавалось выклянчить или просто утаскивать что-нибудь вкусненькое. И еще она умела красиво жить. В холодные времена находила теплые места, и сладко спала там, вызывая всеобщую зависть. В жару она отыскивала густую тень и нежилась там под освежающим

ветерком. Как будто стараясь повеселить обитателей дома, она очень забавно укладывалась спать. Выбрав удобное место, она начинала крутиться, пока не превращалась в пушистый клубок. И лишь хитрый зеленый глаз сквозь узкую щелку посматривал на окружающих, да кончик хвоста слегка обмахивал розовый нос.

Однажды ранним летним утром кошка разбудила Ренье и положила прямо перед его носом пойманную птичку. Та из последних сил трепетала крылышками, но взлететь не могла. Лапой удерживая жертву, кошка поддвигала ее поближе к мальчику, предлагая ему полакомиться вкусной добычей. Но он возмутился такой жестокостью, бережно взял бедную птичку в ладони и побежал к маме.

Та успокоила малыша:

– Ты же балуешь кошку разной едой, вот и она из лучших побуждений предложила тебе отведать, как ей кажется, изысканного кушанья!

Ренье расплакался:

– Но я не просил ее ловить птичку. Ты всегда мне говорила, что нельзя обижать слабых!

Она прижала к себе сына и ласково погладила его по растрепавшимся волосам:

– Да, мой мальчик, мужчина должен быть благородным. И лучший пример – твой отец!

– А что такое благородство?

– Это милосердие силы. Оно свойственно только добрым и уверенным в себе людям. Злые и слабые не могут быть благородными... О птичке не беспокойся. Я отдам ее нашему лекарю, и он ее вылечит.

Слезы Ренье высохли:

– Я объясню кошке, чтобы она больше не охотилась на беззащитных птичек!

Мама поцеловала его в русую голову и попросила:

- Только будь с ней вежлив, ведь ты сильнее ее!

Он нашел преступницу в саду, где та носилась среди густой травы и ярких цветов. Увидев своего подопечного, кошка подбежала к нему, с довольным видом уселась на задние лапы и беззаботно помахивая кончиком хвоста, преданно заглянула ему в глаза.

Ренье опустил на корточки, принял строгий вид и сказал:

- Нельзя обижать слабых!

Но плутовка не проявила ни малейших признаков раскаяния и с любопытством смотрела на мальчика.

Пытаясь придать своим словам особый вес, он, по примеру взрослых, назидательно покачал указательным пальцем перед носом кошки. Она осторожно протянула лапку к пальцу, вытянула мордочку и попыталась его понюхать. Ренье стало щекотно и смешно. Мимо них пролетела цветастая бабочка, и кошка серой молнией бросилась вслед за новой добычей...

Юноша стоял и улыбался своим воспоминаниям. Леопард перестал пить воду и озадаченно посмотрел на него. Было хорошо известно, что эти хищники очень опасны, обладают молниеносной реакцией и прыгают на двадцать-тридцать локтей. Но непрошенный гость был сыт, доволен жизнью и явно не собирался ни на кого нападать. Он зевнул, отряхнул голову и величественно удалился в заросли.

На востоке загорался рассвет и нужно было возвращаться к каравану. Ренье только сейчас вспомнил о коне, и его пронзила страшная мысль: «Не стал ли он жертвой леопарда, этого совершенного убийцы?» От нехорошего предчувствия у него сжалось сердце.

Вдруг вдали послышалось слабое ржание, он прислушался и осторожно пошел на звук. Через некоторое время деревья расступились, и он оказался на опушке рощи. Там, среди редкого кустарника, стояла пропавшая девушка и держала в

руке повод его коня!

Ренье подбежал к верному другу, обнял его за шею и погладил по шелковистой гриве. Тот стал тереться головой о щеку юноши. Встреча оказалась столь неожиданной, что он на мгновение забыл о девушке. Повернувшись к ней, он слегка наклонил голову и представился:

– Ренье де Арди, рыцарь из Тулузского графства. Благодарен тебе за спасение коня.

Она потупила глаза и ответила:

– Я родом из Севильи. Меня зовут Исмиля.

Юноша изумился:

– Так мы же почти соседи! Мой отец не раз ездил в Сарагосу, Кордову и Севилью... – он не закончил фразу и с беспокойством посмотрел на занимающуюся зарю. – Сейчас нам нужно поскорее вернуться к каравану. Он вот-вот тронется с ночной стоянки!.. Садись на коня.

Он опустился на одно колено, подал ей руку и сказал:

– Я считаю большой честью служить тебе!

Девушка благодарно кивнула головой и с его помощью поднялась в седло. Ренье оглянулся по сторонам и понял, что не знает правильного пути. Он уже имел случай убедиться в невероятной способности арабских скакунов ориентироваться на местности и возвращаться к покинутой ранее стоянке. Поэтому он доверился чутью коня, отпустил поводья и осторожно двинулся рядом с ним.

Исмиля улыбнулась:

– Севилья самый красивый город Андалусии! Мимо него протекает река аль-Вади альКебир[19 - Аль-Вади альКебир – арабское название реки Гвадалквивир.]. Там множество садов и их плодами завалены все рынки. Но больше всего мне

нравились инжир из Малаги, сладости и засахаренные фрукты из Тарифы и Аликанте.

Она помолчала и задумчиво продолжила:

– Я помню наш дом. Внутренний двор утопал в душистых цветах. Настоящим чудом был большой фонтан, его тонкие струи переплетались и несли приятную прохладу. Родители меня очень любили и баловали. Мне нравились шелковые платья и благовония, привозимые из дальних стран. Мама каждое утро выбирала самую свежую розочку и прикалывала ее к моим волосам. В Севилье так делали все женщины... Теперь мне кажется, что я жила в сказке...

– Что же случилось? Почему ты уехала оттуда?

– Мой старший брат Самад увлекался поэзией и однажды в своих стихах воспел красоту дочери эмира. Само по себе это не преступление. Но кто-то внушил правителю, что он мог ее где-то видеть, и что его сочинение – это признание в любви. Пошли разные слухи... Избегая казни, брат скрылся. Однажды ночью он тайком пробрался в наш дом и приказал срочно готовить меня к отъезду. Оказалось, все дело затеял евнух эмира, который захотел забрать меня в гарем правителя и тем самым сделать ему подарок. А стихи оказались удобным предлогом для уничтожения моих защитников... Недаром говорят: «Услужливый раб всегда бежит впереди желаний своего господина!»

– Что же плохого было в стихах?

Она грустно вздохнула:

– Ничего! Все поэты пишут об одном и том же, только по-разному. О девичьих глазах, похожих на глаза степных газелей, о зубах, сияющих как жемчужины, о черных ресницах, как неумолимых стрелах судьбы... Часто они возвеличивают правителей и те говорят: «Поэт – это глашатай Всевышнего. Если мы воспеты в красивых стихах, мы становимся бессмертными, если же нет, кто о нас вспомнит?!» Когда-то халифы дарили поэтам и певцам верблюдов, нагруженных драгоценными камнями, благовониями и редкими тканями. На них сыпалось столько золотых динаров, сколько они произносили слов! И человек, не имевший своего пристанища, становился обладателем дворца с пышным садом, фонтаном, гаремом и прислугой... Но иногда поэты становились игрушкой в

руках злых людей. Они теряли головы, и не от любви, а от острой сабли палача!.. Или становились изгнанниками...

На ее глазах выступили слезы:

– Так получилось с нашей семьей... Служанки быстро собрали самое необходимое, и мы помчались на пристань, где Самад приготовил большую лодку с гребцами. Он заранее подкупил стражу у городских ворот, и мы уже почти добрались до берега, когда показалась погоня. Брат попрощался со мной и пообещал разыскать меня. Он остался с мужчинами, чтобы задержать преследователей. Мы успели сесть в лодку и на другой день прибыли в Кадикс. Там наняли небольшой корабль и долго плыли по морю. В конце концов мы остановились в Александрии. Много месяцев мы ждали весточки от Самада, но так и остались в неведении о его судьбе. Мои воспитательницы решили направиться в Сирию, в город Химс, расположенный на берегу реки Оронт. Именно оттуда когда-то давно вышли наши предки и мы надеялись найти там дальних родственников. Но этому не суждено было сбыться. Прошлой ночью на наш караван напали разбойники, служанки успели посадить меня на лошадь и она, испугавшись криков, ускакала далеко от стоянки. Утром она сломала ногу, и я оказалась здесь одна... Мои попутчики, наверное, погибли или проданы в рабство.

У Ренье сжалось сердце: почему весь гнев мира обрушился на эту маленькую беззащитную девочку? Он посмотрел ей в глаза и порывисто сказал:

– Тебе не нужно никого бояться... Я буду твоим рыцарем... И достану тебе шелковые платья... И розы для волос... И инжир из Малаги!

Она бросила на него кроткий взгляд и доверчиво улыбнулась.

Впереди полыхала заря, краешек солнца выглянул из-за горизонта, и его ласковые лучи оживили местность. Вдали показалась стоянка каравана. Там царил суеда, сопровождающая всякое отправление в путь. К молодым людям уже скакали слуги, и вскоре они радостно приветствовали хозяина. Его наставник Робер спрыгнул с коня, обнял юношу и пожурил его:

– Почему ты никого не взял с собой на прогулку?.. Одинокий путник гибнет здесь раньше, чем распрямится трава на его следах!.. Мы всю ночь разыскивали тебя и

сейчас снова собрались прочесывать долину...

Ренье растроганно ответил:

– Я знал, что вы не бросите меня!..

Он повернулся к девушке и объявил:

– А это Исмиля, наша гостья и... госпожа!

Все дружно поклонились новой хозяйке. Робер молодецки покрутил пальцем седой ус, подмигнул юноше и сказал:

– Какая, однако, прелестница... Зреющая вишенка... Ты не терял времени даром!

Щеки девушки зарделись, и она потупила глаза. Робер толкнул Ренье локтем в бок и прошептал:

– Как, однако, смущенье умножает ее красоту!

Он посмотрел на слуг, застывших в готовности выполнить любой приказ очаровательной девушки и привел их в чувство:

– Эй, друзья! Подвиги во славу прекрасных дам пока откладываются. Пока же напоите и накормите коня господина, да приготовьте поесть и нам.

Перекусив лепешками с сыром и медом, маленький отряд присоединился к уходящему каравану. Робер ехал рядом с Ренье и радовался благополучному исходу его приключений. Узнав, что Исмиля родом из Севильи, он воскликнул:

– Что за чудо этот город! Мы с твоим отцом в дни нашей молодости поехали в Кадикс и Танжер. Хотели прикупить кое-что из оружия, да посмотреть мир. Наш путь пролегал через Севилью и оказавшись там, мы были пленены ее красотами. Повсюду проведена вода, белые дома утопают в зелени. Нет ни одного заброшенного клочка земли, все занято аккуратными рощицами из апельсиновых, гранатовых, лимонных, банановых, оливковых, миндальных деревьев. Дороги обсажены рядами стройных кипарисов, навевающих бодрящий

аромат. пышные пальмы так и зовут укрыться в густой тени. В каждой усадьбе есть внутренний двор, покрытый вьющейся виноградной лозой. Посреди него устроен фонтан с расходящимися во все стороны дорожками, устланными разноцветными плитами! Повсюду разбросаны клумбы с розами, лилиями, олеандрами и магнолиями. Настоящим чудом природы кажутся островки вычурных алоэ и замысловатых кактусов. И все это – дело рук мавров, которых иначе, как трудягами, и не назовешь!

Глаза его разгорелись, и он продолжил:

– В Севилье я случайно встретил одну смуглянку, настоящего ангелочка! И мое сердце запуталось в силках ее красоты. Что я мог с собой поделаться?.. Правильно говорят:

Лишь око на милую взглянет,

А сердце влетит в ее сеть, -

Ни сердце любить не устанет,

Ни око смотреть и смотреть.[20 - Саади. Пер. с перс. Ф. Корша. 1916.]

Ренье воскликнул:

– Красиво сказано!

– Да, там умеют очень точно выразить чувства!.. Я упросил твоего отца позволить мне остаться там на месяц-другой. Именно в тот раз я освоил арабский язык, а потом обучил ему и тебя. Я стал «кавалером ночи»: с заходом солнца приходил под балкон прелестницы и читал ей стихи и даже отваживался петь! Она улыбалась мне, ее движения были мягкими и вкрадчивыми, как у игривого рысенка. В ее влажных глазах, окруженных густыми ресницами, светилось едва скрытое любопытство... И однажды мои усилия были вознаграждены: когда крупные звезды усеяли небосклон, к моим ногам упала шелковая лестница. В Андалусии в таких случаях говорят: «Финик созрел, и

сторож не мешает сорвать его!» Хмель близкой победы ударил мне в голову. Ни на одну крепостную стену я не взбирался с таким азартом, как на тот балкон! И там меня ждал вожделенный приз! Она обняла меня тонкими руками, и ее гибкое тело задрожало, как туго натянутая струна...

Робер перевел дух и с лукавой улыбкой посмотрел на Ренье:

– В прекрасном климате Андалусии девушки быстро созревают, и в их сердцах рождается желание познать тайну жизни. Я исполнял все прихоти моей повелительницы, и она была довольна. Но я так и не смог наполнить бездну своего желания...

Юноша не мог скрыть любопытства:

– И чем закончилась эта история?

– Пока я постигал науку любви, твой отец съездил в Кадикс и Танжер. Вернувшись в Севилью, он увез меня домой. А там за спасение моей души взялись иссушенные молитвами святоши. Они попытались втиснуть в мою голову свою правду и вызвать отвращение к тому, что они называли «сосудом дьявола». Но как же можно считать нашу прекрасную жизнь всего-навсего преддверием к некоей жизни вечной? Где находятся те счастливики, которые живут в этой вечности, и кто их видел?.. А что эти «отцы» знали об истинной страсти?! Ровным счетом ничего!.. – он развел руки в стороны и вздохнул. – Лишь всемогущее время расставило все по своим местам, о чем мудро сказал еще один поэт: «Когда тебя покидает любовь, остается лишь скорбно смотреть ей вслед...»

Он помолчал и с некоторой долей надежды в голосе закончил:

– Когда лето моей жизни перейдет в осень, уеду доживать свой век в Севилью! Разве не найдется там вдовушка, которая разделит со мной кров, приласкает меня и подаст кружку доброго вина?

Ренье от всей души поддержал своего верного наставника:

– Обязательно найдется!.. И не одна!

Задумчивый взгляд Робера остановился на Исмили, ехавшей впереди, и он спросил:

- Где ее родители, и чем мы можем ей помочь?

- У нее не осталось близких... Скоро я поеду домой и, если она не будет возражать, отвезу ее к маме. Сколько себя помню, она всегда мечтала о дочери, но как-то не сложилось...

Робер одобрительно кивнул:

- Ты прав, мой мальчик! У тебя доброе сердце...

Они неспешно ехали рядом, вспоминали далекую родину и радовались животворному свету наступающего дня.

Вечером для Исмили поставили небольшой шатер на краю поляны, окруженной редкими кустарниками и пальмами. Ренье лег на кошму перед входом в него. Ему не спалось, и он любовался стройными силуэтами пышных пальм на фоне звездного неба. Вдруг до его слуха донесся звук, который нельзя было спутать ни с каким другим: кто-то натягивал тетиву лука! Он, не размышляя, а скорее поддаваясь рефлексу воина, откатился к ближайшей пальме. Тут же в воздухе пропели две стрелы и их острые наконечники впились в кошму, где он только что лежал. Черные оперения стрел слегка дрожали, а их наклон указывал направление, откуда они прилетели – противоположный край поляны. Кусты там шевельнулись. Перебегая от пальмы к пальме, он бросился к месту засады злоумышленников. Достигнув цели, он остановился и прислушался. Вокруг было тихо... И тут со стороны шатра Исмили послышался приглушенный шум борьбы, лошадиное ржание и удаляющийся стук копыт. Забыв об осторожности, он ринулся на помощь девушке. Обежав шатер, он увидел рассеченный сверху донизу полог, затоптанную траву и сломанные ветки кустарника. Он раздвинул края шелковой ткани, и его сердце упало: девушка исчезла!

Утренняя страна

Франки в горячем порыве высадились на азиатский берег Босфора и бросились по следам германцев. Через несколько переходов войско расположилось на полуденный отдых у города Никея, на берегу большого озера. Не успели воины выгулять и напоить коней, как солнце стало меркнуть и землю покрыл мрак. Ветер стих, птицы прекратили свою извечную переключку, и мертвая тишина воцарилась во всем мире. Воины в ужасе замерли на своих местах, не понимая, что происходит. Людовик немедленно разослал вестников с приказом объявить испуганным людям: они наблюдают обычное в этих краях солнечное затмение и никакой опасности оно не несет. Действительно, по прошествии небольшого времени мгла рассеялась и день снова засиял обычными красками. Все быстро успокоилось, но на сердце короля легло тяжелое предчувствие беды.

И грозное небесное знамение оказалось пророческим. На другой день пришла страшная весть: Конрад не только не одержал никаких побед, но потерпел жесточайшее поражение! Вскоре к Никее прибыли остатки германского войска. Людовик едва узнал императора: его лицо осунулось, руки дрожали, одежда была порвана и забрызгана кровью. Он пригласил Конрада в свой шатер, где тот рассказал о произошедшей катастрофе:

– Оказавшись на восточном берегу Босфора, мы направились в сторону Икония через Каппадокию. Этим путем когда-то шло первое великое паломничество, и он показался нам самым удобным. Но местные проводники повели нас длинной дорогой и запутали в бесконечных ущельях. Провизия закончилась, люди вымотались и под Дорилеей мы попали в засаду сельджуков. В жестоком сражении от моей армии осталась десятая часть воинов, остальные погибли или попали в плен...

Людовик расширившимися от ужаса глазами посмотрел на императора:

– В это невозможно поверить! С тобой вышло семьдесят тысяч человек! Может быть, кто-то уцелел? Я готов послать сильный отряд рыцарей на поиски потерявшихся и оставших.

Конрад покачал головой:

– Нет, я привел всех, кто мог двигаться... Правда, сразу после переправы через Босфор несколько тысяч воинов откололись от нас и направились на юг вдоль

побережья... Может быть, они еще живы...

Французский король пришел в полную растерянность и не знал, как ему поступить. После долгого молчания он нерешительно спросил:

- Какой же путь выбрать?.. Может быть, снова пойти через Дорилею?..

Император тяжело вздохнул:

- Конечно, это самая удобная и короткая дорога, но вид множества убитых христиан тяжело отразится на войске. Думаю, надо двинуться вдоль моря через Адрамитий, Пергам, Смирну, Эфес, Лаодикею и Атталию. Где-то там можно будет достать корабли и добраться до Антиохии, а оттуда - до Тира.

Людовик, избавленный от трудного выбора, с облегчением согласился:

- Да, так будет лучше.

Он проводил Конрада в отведенный ему шатер и вернулся к себе. В тот же день он собрал баронов и сообщил им о печальной участи германских паломников и предательстве Мануила. Он надеялся, что жажда праведной мести навсегда останется в памяти воинов, и рано или поздно латинский меч отомстит ромеям за вероломство!

Дорога вдоль берега оказалась невероятно тяжелой. Она шла среди скал, была перерезана бурными горными реками и изобиловала крутыми подъемами и спусками. На крестоносцев отовсюду сыпались стрелы и камни. Каждый день гибли воины, повозки и лошади срывались в пропасти. Людовик считал своим долгом быть на передней линии сражений и теряя ощущение времени, рубился с неверными, сдерживая их натиск. Часто он возвращался в лагерь с иззубренным мечом, в помятых и забрызганных кровью доспехах.

Положение усугублялось недостатком провизии и начавшимся голодом. Кроме того, много сил уходило на защиту и продвижение роскошного каравана Алиеноры. После четырех месяцев мучительного пути жалкие остатки христианского воинства добрались до Эфеса. Там бароны собрались на военный совет. Конрад, осознав бессмысленность продолжения похода, объявил о

намерении морским путем вернуться с уцелевшими германскими рыцарями в Константинополь и оттуда по суше отправиться на родину.

Людовик не мог последовать примеру императора. Сама мысль о бесславном завершении великого похода вызывала у него ледяной озноб. Он попрощался с Конрадом и собрав последние боеспособные силы, прорвался в Атталию. На оставшиеся деньги он нанял у местных греков несколько судов и с уцелевшими крестоносцами отплыл в Антиохию. Раненых и больных воинов пришлось оставить на попечение правителей города, поклявшихся достойно обращаться с несчастными людьми. Но как только корабли с предводителями похода скрылись за горизонтом, властители продали в рабство тех пилигримов, которые еще могли двигаться, а остальных хладнокровно зарезали.

Через три недели плавания перед паломниками открылась обширная бухта, окаймленная с суши цепью невысоких гор, поросших редкими деревцами и кустарниками. Это была хорошо известная всем путешественникам гавань Святого Симеона – морские ворота Антиохийского княжества. Здесь река Оронт заканчивала свой долгий и животворный бег и образовывала заросшее буйной растительностью устье. Наконец-то глаза людей, измученные видом однообразной водной глади, могли отдохнуть в созерцании целительного зеленого пейзажа. За десять месяцев похода они преодолели невероятное пространство, прошли через тяжелейшие испытания и теперь предвкушали заслуженный отдых.

На берегу собралась возбужденная толпа, радостными криками приветствовавшая дорогих гостей. Князь де Пуатье, окруженный разодетыми вельможами, держался отдельно от простолюдинов. Блеск дорогого оружия, золотых и серебряных украшений, прекрасно отделанной конской упряжи, казалось, затмевал сияние солнца. Все свидетельствовало о богатстве этой земли, с незапамятных времен являвшейся важным местом восточной торговли.

Алиенору охватило ощущение чего-то мирного и светлого. Ласковое солнце, лазурное небо, играющее мелкими бликами море, рождали в душе тихий восторг. Она с волнением всматривалась в пеструю толпу на берегу, отыскивая в ней де Пуатье. Он приходился ей дядей и когда-то они жили в одном городе. Но в ее памяти не осталось никаких воспоминаний о нем, так как он покинул Аквитанию, когда она была еще ребенком.

В христианском мире история его жизни была хорошо известна. Будучи младшим сыном герцога Аквитании Гильома, он не мог занять его место и поэтому без сожаления покинул свою малую родину и уехал учиться в Англию. Там он показал себя благородным рыцарем, удачливым победителем турниров и тонким ценителем женской красоты. Король принял его к себе на службу и де Пуатье ждала блестящая придворная карьера. Однако кровавая цепь событий на восточном пределе мира перевернула его жизнь. В жестоких войнах с сельджуками в Антиохийском княжестве погибли все взрослые представители правящего рода. Единственной законной наследницей оказалась девятилетняя Констанция. В Иерусалиме еще жила память о Гильоме, некогда предпринявшем отважную, хотя и неудачную, попытку привести на Святую землю многотысячное войско. Не удивительно, что на роль защитника важнейшего опорного пункта на Востоке король Иерусалимский[21 - Антиохийское княжество в то время находилось в вассальной зависимости от Иерусалимского короля и только он мог выбрать мужа для вдовствующей княгини Констанции.] выбрал его сына, де Пуатье. Молодой рыцарь, не колеблясь, принял предложение жениться на Констанции. Сама судьба вела его туда, где христиане нуждались в его помощи и где он мог отомстить за давнее поражение отца! Преодолев великое пространство, он утвердился в райском уголке земли.

Князь всячески насаждал среди знатных семейств Антиохии вольные нравы благословенной Аквитании и поэзию трубадуров. При каждом удобном случае он выказывал милосердие, учтивость и предупредительность, а изысканным красноречием вызывал всеобщий восторг. О его недюжинной физической силе ходило множество рассказов. Ко времени прибытия крестоносцев у де Пуатье было четверо детей, и он был безмерно счастлив со своей очаровательной женой.

Как только гости высадились на берег, князь сошел с коня и с величайшим почтением приветствовал коронованных особ. Он обменялся с Людовиком дежурными фразами о превратностях долгого пути, с поклоном поцеловал королеве руку и сказал:

– Я счастлив принимать вас в Антиохии! Надеюсь, пребывание здесь будет приятным и интересным.

Статный светловолосый красавец с мужественным лицом произвел на Алиенору весьма благоприятное впечатление, и она с чистосердечной улыбкой спросила:

– Я слышала, что здесь многое напоминает мою милую Аквитанию! Правда ли это?

Де Пуатье с жаром ответил:

– В последние годы сюда прибыло немало выходцев с нашей родины, и мы смогли утвердить здесь традиции истинного благородства и преклонения перед прекрасными дамами!

Людовик задохнулся от нахлынувшего на него возмущения. Его супруга с какой-то непостижимой легкостью улыбалась князю и нисколько не смущаясь, тут же завела с ним двусмысленную беседу! Опасаясь богопротивной «куртуазии», он тут же взял на себя инициативу в разговоре и перевел его на близкую для себя тему:

– Досточтимый князь, нас всех занимает один вопрос. Где сейчас находится злокозненный эмир Занги? Мы прошли полсвета, чтобы сразиться с этим исчадием ада!

– Два года назад он погиб...

Людовик вопросительно посмотрел на князя:

– Надеюсь, нечестивца покарала рука христианина?!

– К сожалению, нет! Смерть его была в высшей степени нелепа. Если угодно, я готов рассказать эту историю...

Алиенора поспешно вмешалась в разговор:

– Да, да, это интересно! Мы слушаем!

Она произнесла эти слова с такой непостижимой искренностью и в ее тоне было столько детского любопытства, что сердце Людовика оттаяло, и от недавней обиды не осталось и следа. В знак согласия он кивнул головой и приготовился слушать.

– Занги, как повелитель Мосула и Алеппо, был не простым эмиром. Сельджукский султан присвоил ему почетный титул «Атабек», означающий что-то вроде «Отец беков». На Востоке титулы и высокое происхождение человека имеют магическое значение и открывают перед их обладателями большие возможности. Энергичный Занги решительно обособился от слабеющей сельджукской державы, основал собственную династию и начал собирать под своей рукой разные народы. Одним из его первейших деяний стало овладение Эдессой, единственным христианским княжеством за Евфратом. Но замыслы его шли гораздо дальше: он намеревался дойти до Иерусалима!

Король размашисто перекрестился и торжествующе сказал:

– Смерть вовремя остановила его!

– Она стала следствием странного происшествия... Дело было так. Как-то после пира Занги уснул на ковре недалеко от стола. Слуги не осмелились потревожить хозяина и перенести его в опочивальню. Ночью он проснулся и увидел странную картину: чернокожий раб сидит на его троне, пьет вино из его кубка и вкушает яства с пиршественного стола! Атабек язвительно осведомился: «Нравится ли тебе мое угощение?» Раб пал ниц и растерянно ответил: «Да, всемилостивейший господин!» Занги улыбнулся и сказал: «Моя доброта не знает границ! Сам придумай себе казнь, и с восходом солнца она будет исполнена. А пока веселись!» Он отвернулся от стола и заснул. Но задуманное им не свершилось, ибо раб перерезал ему горло. Утром убийцу поймали, подвергли пытке, и узнали правду о смерти атабека.

Людовик торжествующе воскликнул:

– Здесь не обошлось без вмешательства Господа! Он отнял у нашего врага разум и тот забыл простую истину: заяц, настигнутый преследователем, может стать львом!

Князь согласился с королем:

– Несомненно, нас спасло благоволение свыше! Неразбериха, возникшая после гибели Занги, дала нам важную передышку. Его наследникам понадобилось некоторое время, чтобы поделить обширные владения атабека. Старшему сыну досталась восточная часть с Мосулом, а к младшему, Нур ад-Дину, отошли

западные земли, включая Алеппо и Эдессу. Именно он продолжил дело отца и стал главной угрозой для христиан! Запомните это имя, вы услышите его еще не раз!

– А что оно значит?

– При рождении он был назван Махмудом. А «Нур ад-Дин» – это так называемый лакаб, то есть почетное прозвище. Оно переводится, как «Светоч мира и веры». У мусульманина может быть несколько подобных имен. А в народе его называют «Справедливый». Он весьма набожен и ведет аскетичный образ жизни. Мы уже успели убедиться, что это очень умный враг!

Людовик воодушевился:

– У нас принято радоваться сильному противнику! Тем больше славы будет у того, кто погасит этот светильник ложной веры!

Всю дорогу до столицы княжества мужчины возбужденно обсуждали тактику сельджуков, вооружение рыцарей, численность войск и другие военные премудрости. Алиеноре оставалось в полном молчании наслаждаться первозданной свежестью воздуха, да любоваться величественными видами гор.

Оказавшись в виду Антиохии, гости замерли от впечатляющего зрелища. В цветущей долине реки Оронт раскинулся большой город, обнесенный высокой стеной с башнями. Их количество не поддавалось подсчету. Неподалеку, на вершине пологой горы суровым стражем стояла мощная цитадель. Оборонительные сооружения подавляли своей грандиозностью и казалось, что нет такой земной силы, которая могла бы сокрушить их! Прибывшие воины смогли, наконец, осознать величие подвига их предшественников, некогда завоевавших Антиохию!

Де Пуатье с некоторым чувством превосходства поглядывал на потрясенных паломников и давал короткие ответы на их вопросы. Потом он сопроводил королевскую чету в отведенную для них резиденцию и с радушной улыбкой сказал:

– Вы прибыли в Антиохию в самое лучшее время года, когда здесь говорят: «О, соловей! Принеси нам благую весточку о весне, а дурные слухи оставь для

совы!» Желаю вам насладиться соловьиными трелями и порадоваться добрым вестям.

Он простился с гостями, предоставив им возможность неспешно устроиться на новом месте и осмыслить увиденное и услышанное.

Едва отдохнув от долгой и трудной дороги, крестоносцы начали знакомиться с городом. Когда-то Антиохия приютила первых сеятелей христианской веры. Отсюда Святой Апостол Павел совершал миссионерские странствия среди окрестных народов. Он воспитал множество пламенных учеников, среди которых выделялся Лука, ставший впоследствии Святым Апостолом и евангелистом. Гости поклонились светлой памяти подвижников веры и посетили главные достопримечательности княжества – кафедральный собор Святого Петра, церковь Святого Иоанна Златоуста, базилику Святого Георгия и монастыри. Людовик немало удивил окружающих знанием Святого писания и приобрел непререкаемый авторитет, сообщив доселе неизвестный им факт: оказывается, именно в Антиохии верующие впервые стали называть себя «христианами» и отсюда это священное слово разлетелось по всему миру, объединяя народы!

Поклонившись святым местам, Алиенора обратилась к развлечениям. Она охотно знакомилась с местными именитыми семействами и не упускала ни одной возможности повеселиться. И тут с новой силой разгорелась ревность Людовика. Он ни на шаг не отходил от жены на людях, а потом, оставшись с ней наедине, раздраженно выговаривал ей за то, что она излишне благосклонно принимала от мужчин сомнительные, по его мнению, знаки внимания. Даже в самых невинных разговорах и случайных улыбках он усматривал злостное посягательство на измену... Как же плохо понимал он тонкую женскую душу! Только законченный самоубийца мог покуситься на сокровенную мечту каждой дамы: насладиться триумфом своей красоты и всеобщим обожанием. Закономерным итогом болезненных размолвок между супругами, продолжавшихся уже немалое время, стало постепенное охлаждение их отношений, и без того не отличавшихся любовной пылкостью.

Праздник страсти

В прекрасный весенний вечер, накануне Пепельной среды[22 - Пепельная среда – первая среда Великого поста в Римско-католической церкви. В этот день священник во время богослужения посыпает головы присутствующих пеплом сожженных верб, повторяя слова Екклесиаста «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его». День, предшествующий пепельной среде – время веселья и обильных трапез.], де Пуатье собрал знатнейших паломников в загородной усадьбе, раскинувшейся в живописном местечке по дороге в гавань. Когда-то князь вложил в ее устройство все силы своей творческой натуры. Небольшой дворец, выстроенный в восточном стиле, был украшен стройными колоннами, изящными арками и витиеватыми галереями. На обширной территории были высажены плодовые деревья, разбиты цветники, проведены дорожки, а в укромных уголках спрятаны уютные беседки. В центре поместья возвышался великолепный фонтан. Две его круглые чаши из зеленого мрамора располагались друг над другом и были увенчаны множеством узорчатых фигурок. Переплетающиеся струи воды переливались на солнце, оживляя окружающий пейзаж и создавая ощущение вечного движения.

С наступлением сумерек высокие гости и местные бароны расселись за обширным столом в саду. Заботливый хозяин усадил коронованную чету по правую руку от себя. Рядом с ними разместился молодой рыцарь де Шатильон, пользовавшийся особым доверием де Пуатье.

Глаза присутствующих разбегались от разнообразия кушаний и напитков, за их спинами хлопотали проворные слуги, сменяя блюда и наполняя чаши изысканными винами. Князь был большим любителем левантийской кухни и со знанием дела пояснял присутствующим тонкости запекания баклажан, жарки на раскаленных камнях мяса с рисом и баранины с дроблеными зернами, варки рыбы и нута[23 - Нут – древнейшая бобовая культура на Ближнем Востоке.], готовки кунжутной пасты.

Постепенно языки пирующих развязались и за столом начались оживленные разговоры.

Людовик с душевным подъемом стал рассказывать о себе:

– Знаки святого паломничества, крест, посох и суму, я получил из рук папы Римского Евгения! Я препоясался истиной, облекся в броню праведности, взял щит веры и надел шлем спасения. А, главное – вооружился мечом духовным, который есть слово Господне![24 - Из Послания Святого Апостола Павла.]

Он замолк, глотнул вина и поощренный взглядом де Пуатье, провозгласил:

– Я почту высочайшей честью положить свою жизнь на алтарь истинной веры!

Его близкий родственник и верный спутник в походе, граф Мориенский, с восторгом описывал свою сопричастность к религиозному подъему, охватившему христианский мир:

– Святой Бернар по благословению папы Евгения объехал многие страны с проповедью паломничества. Я помогал ему в моих землях и своими глазами видел, как прихожане, воодушевленные его речами, разрывали его облачение на полоски и нашивали их в виде креста на свои одежды! А потом я в сопровождении самых отважных рыцарей отправился в Палестину. Нас сопровождали крики верующих: «Омойте же мечи свои кровью неверных! Кто не сделает этого, будет гореть в геенне огненной!»

Граф Тоннерский был настроен не столь возвышенно:

– День за днем, месяц за месяцем шли мы среди враждебных племен, видели вокруг себя одну лишь смерть, и лучшие воины становились ее добычей! Проклятая мельница войны исправно перемалывала молодые жизни в прах земной, и каждый из нас мог стать ее жертвой...

Людовик, желая избавить своих подданных от пагубного уныния, воскликнул:

– Да, в походе погибло много паломников... Но жертвы были не напрасны: мы стоим на пороге праведного возмездия!

Он приложился к кубку с вином и за столом на мгновение воцарилась тишина.

Де Пуатье воспользовался возникшей паузой и придал разговору новое направление:

– Для христиан настало время испытаний, и оно несет многие печали... Но жизнь дарит нам и земные радости! Нужно отбросить грустные мысли и сделать шаг навстречу своему счастью, сколь бы коротким и призрачным оно ни казалось!

Он обвел гостей лукавым взглядом и спросил:

– О чем поет соловей в весеннем саду?

И сам же ответил:

– На Востоке вам скажут: «Он объясняется своей избраннице, багряной розе, в страстной любви!» И вы, славные рыцари, сегодня оказались в райском цветнике! Вас окружают прекрасные дамы, и они надеются на ваше внимание. Спешите восторгаться ими, угождать им и услаждать их, – и он пристально посмотрел на Алиенору.

Неожиданный взгляд князя застал ее врасплох. Казалось, он проник в глубину ее души и прикоснулся к самому сокровенному!.. С первой встречи она испытывала к де Пуатье необъяснимую внутреннюю симпатию, хотя и не выказывала ее наружно... Неужели он раскрыл ее тайну?! Она смутилась и потупила глаза.

Разгоряченный выпитым вином, Людовик принял куртуазный вызов князя:

– Райская роза изначально была белой, радуя мир чистотой, свежестью и непорочностью. Увидев ее, соловей не смог отвести от нее глаз. И забыл несчастный, что похоть очей ведет к вожделению плоти! И возгорелось его желание, и приник он к девственному цветку... И что же? Острый шип пронзил его сердце, и алая кровь оросила невинные лепестки. Так родилась багряная роза, воплощение страсти, блаженства и страдания.

Де Пуатье с недоумением спросил:

– Так значит, во всех чувственных грехах виноват соловей?

– Не только он! Иная багряная роза своим поведением напоминает легкомысленную бабочку, которая то ли из праздного любопытства, то ли из распутного желания, летит на манящее пламя свечи. Она кружит, кружит и кружит вокруг опасного огня... В конце концов ее восхитительные крылышки вспыхивают, и она сгорает!..

– Во имя настоящей любви можно не только пролить свою кровь, но и сгореть!

Король покосился на князя:

– Конечно можно!.. Но зачем?.. – он бросил на супругу пристальный взгляд. –
Пылающая душа не погаснет до тех пор, пока не превратится в пепел! [25 - Из
Книги Екклесиаста.] Не лучше ли истребить в себе пагубное вожделение?
Святым Писанием нам заповедано: мужи должны молиться, воздевая чистые
руки без гнева и сомнения, а жены в приличном одеянии, со стыдливостью и
целомудрием, должны украшать себя не плетением волос, не золотом, не
жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам,
посвящающим себя благочестию!

Де Пуатье улыбнулся:

– Как можно идти против самой природы? Недавно я прочитал арабские стихи.
Поделюсь с вами весьма любопытными строками из них:

Один ей снится сон: искрящиеся платья,

Мерцанье золота и жадных рук объятья. [26 - По мотивам: Абу-ль-Ала аль-
Маарри. Пер. с араб. А. Тарковского. М. ИХЛ. 1975.]

От такого откровения Людовик потерял дар речи. Впрочем, никто никого уже не
хотел слушать. Гости возбужденно загудели, начали покидать свои места за
столом и прогуливаться вокруг фонтана. Между благородными рыцарями и
очаровательными дамами сами собой стали завязываться обольстительные
разговоры. И никто из них не боялся уколоться о чьи-то острые шипы или обжечь
свои нежные крылышки. Вокруг бушевала ранняя весна, пьянящие ароматы
кружили головы и наполняли беспричинной радостью сердца. Казалось, сама
природа звала к романтическим приключениям.

Алиенора была заинтригована словами князя и в ее голове пронесся вихрь
спутанных мыслей: «О какой любви он говорил, и почему так посмотрел на
меня?.. Это знак обычной учтивости или скрытое объяснение?.. И если

объяснение, то в чем?..» Ее охватило смятение, она встала с кресла и отошла к фонтану.

Когда-то она прочитала роман о чудесных приключениях девушки по имени Фламенка[27 - Фламенка (Пламенная) – героиня одноименного старопровансальского романа.], выданной за старика. Ревнивец спрятал усладу своего остывающего сердца в неприступной крепости и только по воскресеньям вывозил ее в церковь. Слухи о небесной красоте затворницы в мгновение ока разнеслись по окрестным землям. Амор, легкокрылый творец любви, облетел города и веси, нашел для своей избранницы молодого рыцаря и вдохнул в него сладкую грезу страсти. И славный юноша устремился к той, которая стала ему милее всех на свете. Он явился в церковь и уговорил священника взять его помощником в богослужениях. Это дало ему возможность один раз в неделю украдкой обменяться с юной красавицей коротким взглядом и одним-двумя словами. Через несколько встреч Фламенка воспылала к рыцарю ответной страстью, и всемогущий Амор привел влюбленных в укромное местечко, где они насладились упоительной близостью...

Она с грустью подумала, что такие чувства бушуют только в романах, и отбросила соблазнительные мысли. В букете разнообразных запахов сада она уловила тонкий аромат цветущих роз, и он слегка закружил ей голову. Неподалеку, в колеблющемся свете факелов играли и переливались яркими бликами водяные струи фонтана, напоминая диковинное растение, трепещущее на свежем ветре. Ей показалось, что она попала в волшебную сказку.

Де Пуатье как бы невзначай прошел рядом с ней и шепнул:

- Сражен!

Она почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Через миг она овладела собой и когда он, возвращаясь обратно, задержался около нее, тихо спросила:

- Чем?..

- Красотой!

Он снова исчез в мерцающей тьме, и она осталась наедине со своими мыслями.

Тем временем Людовик помутившимися от выпитого вина глазами стал осматривать сад в поисках своей ненаглядной королевы. Увидев ее смутный силуэт, он поднялся, и с трудом удерживая равновесие, двинулся к фонтану. Не желая встречаться с ним, она осторожно отступила в тень ближайшего дерева. Запинаясь на каждом шагу, и почти ничего не видя перед собой, король обогнул фонтан и угодил в железные объятия де Шатильона. Тот заботливо вернул заплутавшего сотрапезника за стол, и они продолжили возлияния.

Алиенора вновь ощутила волнуемый запах роз и ее душу наполнила томная нежность. Откуда-то из темноты снова возник де Пуатье и с легким поклоном подал ей чашку. Она несмело взяла ее и на мгновение их пальцы соприкоснулись. Она с трудом уняла невольную дрожь и слегка пригубила теплый напиток. Он был приятен на вкус и казался чуть сладковатым. Это был сахлаб, настой из клубней орхидеи. Глоток бодрящего питья придал ей смелости, и она спросила:

– Чьей?..

– Твоей!

И князь снова исчез среди деревьев.

В глубине души она хотела услышать его признание и все-таки оно оглушило ее! Она снова вспомнила о пламенной героине своих давних мечтаний и вдруг поняла, что незаметно для себя уже вступила на ее путь... Ее охватила растерянность. Казалось, она была готова уступить запретному влечению, но ее останавливал стыд за слишком скорую готовность отдаться во власть полужнакомого мужчины.

Неожиданно она вспомнила о своем супруге и посмотрела в сторону стола. В это время Людовик и де Шатильон поднялись со своих мест и с трудом балансируя на непослушных ногах, направились в сторону дворца, бережно поддерживая друг друга.

Князь снова появился перед Алиенорой. На этот раз он никуда не спешил. Колеблющийся медный блеск ее волос отражался в его глазах огненными вспышками. Он взял ее маленькие ладошки в свои сильные руки, поцеловал их и прижал к горячим щекам. Сдерживая нарастающую дрожь, она спросила:

– Как быть?..

– Любить!

Ей стало легко и радостно. Этот обходительный мужчина исподволь вкрался в ее сердце и все преграды, стоявшие на пути исполнения самых смелых желаний, исчезли. Их взгляды встретились, и на ее безмолвный вопрос он с едва уловимым трепетом в голосе ответил:

– Сейчас!

И радость любви улыбнулась им, и они поспешили навстречу своей судьбе. В отдаленном углу сада их ждали две оседланные лошади. После лихорадочной скачки они спешили, вошли в зеленую рощицу и поднялись на берег небольшого залива. Открывшийся вид заворожил их. Две высокие скалы, немые стражи взморья, серебрились в свете полной луны. Сверкающая мелкими бликами дорожка убегала по темному морю в неведомую даль. Где-то внизу игривые волны с нежным плеском ласкались к камням.

От пышных деревьев на них пахло ароматом весны и свежести. Истинно Эдемский сад звал их в свои чудесные кущи, и они задохнулись от желания вкушать запретный плод священного дерева познания добра и зла. Он привлек ее к себе и пригубил красное вино ее уст. Хмель вожделения ударил им в головы и теряя рассудок, они опустились на травяной ковер, усыпанный белыми лепестками миндальных цветков. В страстном сплетении тел узнали они истинную свободу и забыли о быстротекущем времени. Она вновь и вновь пробуждала его желание, и он, откликаясь на призывы ее сердца, снова и снова приводил ее в сладостный восторг.

Жаркая ночь исполнила ее самые потаенные мечты. Ее охватило ощущение первозданной легкости, ей хотелось одновременно смеяться и плакать, радоваться и грустить. Казалось, она навсегда обрела свой маленький рай и никогда не покинет сказочное место. Сама собой в ее голове пронеслась неожиданная мысль: «Неужели это и есть совершенная любовь?! Та, которую можно ждать всю жизнь, а она все равно придет внезапно!»

Она перебирала его светлые волосы и заглядывала в его усталые глаза, силясь прочесть в них будущее. Но бездонная синева была спокойна и непостижима... Она поднялась, подошла к кусту диких роз, отщипнула несколько лепестков и растерла их между пальцами. Нежный запах первородной чистоты привел ее в чувство. Подняв голову, она увидела над собой предательски светлеющее небо. Время, отмеренное судьбой, кончалась и неумолимое солнце готовилось убить их короткое счастье...

Алиенора вернулась ранним утром. Розовый свет восходящего светила заливал цветущий сад и беззаботно играл в струях фонтана. На ступенях дворца в растрепанной одежде сидел помятый Людовик и ждал ее. Взгляд его был трезв и темен, глухой голос дрожал:

– Вещи собраны, служанки ждут тебя, чтобы ехать в гавань. Мне же осталось известить о нашем немедленном отъезде, – он криво усмехнулся, – гостеприимного де Пуатье!

Как во сне, она отправилась на корабль, который вышел в море сразу после прибытия короля. Еще не осознав всей глубины своего несчастья, она стояла на качающейся палубе и вспоминала о чудесном островке любви, затерянном посреди океана крови и жестокости. На берегу, между двух скал, она увидела неподвижную фигуру статного воина. Его лицо было обращено в сторону уходящего судна, свежий ветер трепал его светлые волосы. Волшебная нить близости как будто еще связывала их, в ее ушах звучал его голос, она чувствовала тепло его рук и ощущала биение его сердца. Но зеленая полоска земли медленно уплывала в невозвратную даль и вскоре сказочное видение исчезло за горизонтом.

И тут ее охватило отчаяние, жизнь показалась бессмысленной и ненужной. Азартное стремление познать мир привело ее сюда, на край света. И здесь судьба дала ей все, чего может пожелать смертный. И как истинная хозяйка жизни, она забрала подаренное обратно, оставив свою жертву в горьком одиночестве и с исчезающим вкусом радости в сердце.

Она огляделась. Вокруг было безмолвное море, вверху голубело равнодушное небо, одинокий пенистый след корабля терялся в туманном просторе. В один миг исчезло все, что держало ее в этом мире...

Вдруг она заметила в складке платья чудом уцелевший багряный лепесточек розы. Она осторожно извлекла его и сжала между пальцами. Сладкий аромат ранней весны и свежести закружил ей голову, и она пошатнулась. Подоспевшие служанки подхватили госпожу, отвели ее в каюту и вызвали лекаря. Он осмотрел больную и доложил взволнованному Людовику:

– Сир, королева много времени провела на солнце. Согласно учению великого Авиценны, его лучи сгущают кровь и приводят к недомоганию. Ей нужно два-три дня покоя и все бесследно пройдет.

Король с сомнением покачал головой и отпустил целителя.

Паломники прибыли в Тир, где остановились в ожидании пополнения из Франции. Чуть позже из Константинополя вернулся Конрад и расположился в Акке, также дожидаясь подмоги. Наконец, корабли привезли новые отряды рыцарей, и христианские предводители собрались на совет. Французскому королю и германскому императору было важно выиграть хотя бы одно сражение, чтобы с чистой совестью вернуться домой. Король Иерусалимский, поддержанный баронами и прелатами Святой земли, предложил объединить силы и нанести решающий удар на Дамаск. Так и решили. Собравшись в Тиверии, объединенная армия христиан выступила в поход.

Тем временем эмир Дамаска призвал на помощь атабека Нур ад-Дина и тот стремительным броском вышел на северный фланг наступающих. Атаковать мощную крепость, имея рядом сильную мусульманскую армию, было бы чистым безумием и крестоносцам пришлось отступить. Плохо зная местность, они заблудились среди густых садов и множества каналов и понесли тяжелые потери. В Тиверию вернулись малые остатки прежнего войска.

В полном расстройстве Конрад бросил безнадежное дело и с уцелевшими людьми отправился на родину. Людовик задержался в Палестине на несколько месяцев, но покинул ее столь же бесславно, подведя тем самым черту под самым большим делом своей жизни.

Жарким летом они с Алиенорой высадились в Калабрии, где их с распростертыми объятиями встретил сицилийский король Роджер. Он сообщил Людовику хорошую новость: весь христианский мир негодовал на византийцев за их предательство, приведшее к краху столь блистательно начавшегося

священного похода. Роджер понял, что настал очень удобный момент сокрушить ромеев, извечных врагов сицилийцев. Все свое красноречие он направил на вовлечение французов в союз против изменников. Он обещал поделиться с Людовиком будущей добычей и клялся оказать ему всю возможную помощь в дальнейшем продвижении на Восток. Но король не поддавался уговорам и отказался от выгодного предложения.

После приключений в Антиохии Людовик коротко и сухо общался с Алиенорой, лишь иногда встречаясь с ней за обедом. Однажды, заканчивая очередную тягостную трапезу и приступая к десерту, он взглянул на жену и невольно улыбнулся: она напомнила ему рыжую пушистую белку, увлеченно грызущую любимые орешки.

У него были плохие новости для нее, и он засомневался, стоит ли начинать неприятный разговор, но вспомнил о сердечной ране, полученной в гостях у князя де Пуатье. С того злополучного дня ее душа была мертва для него, и он чувствовал это всем своим существом! Известная притча гласит: «Ревность – это ярость мужа, и не пощадит он в день мщения!» Сами собой отпали все сомнения, и он с деланным безразличием сообщил супруге:

– Из Антиохии прибыли купцы...

Она насторожилась, оставила орешки и бросила на него вопросительный взгляд.

Делая паузы между словами, он сказал:

– И привезли... невеселые... известия... Как будто от той самой совы, о которой говорил де Пуатье...

Щеки ее слегка побледнели, и она опустила глаза.

Он взял кубок с вином, сделал глоток и продолжил:

– После нашего отплытия он возобновил войну с Нур ад-Дином... Но сражался на редкость неудачно... Видно, чем-то прогневил Господа... – Людовик бросил на Алиенору испытующий взгляд. – В битве при Инабе он потерпел жестокое поражение...

Ее губы дрогнули, и она растерянно посмотрела на короля.

Он повертел кубок перед собой, поставил его на стол и мрачно проронил:

– Он сразился с одним из полководцев атабека и получил в сердце смертельный удар копьем... – он помедлил, как будто что-то вспоминая. – Кто бы мог подумать, что ему выпадет жребий того самого любвеобильного соловья, который погиб от шипа розы...

Ее пальцы нервно сплелись.

Он отодвинул от себя кубок и как бы нехотя, продолжил:

– Победитель отрубил светловолосую голову князя и преподнес ее Нур ад-Дину, а тот отправил ее в Багдад, в подарок халифу... В серебряном ларце...

Она в ужасе закрыла глаза.

Сдерживая закипающее негодование, он закончил:

– А пронырливый рыцарь де Шатильон каким-то непостижимым образом втерся в доверие к вдове князя Констанции!.. Говорят, теперь она видит его первым претендентом на свою руку! Но решать вопрос о замужестве будет ее сюзерен, король Иерусалимский. Надеюсь, проходимцу не удастся обмануть его, и когда-нибудь он ответит перед Господом за свои неблагоприятные дела!

Алиенора встала и не произнесла ни слова, покинула залу.

Людовик смешался. Конечно, он испытывал удовлетворение от свершившейся мести. В то же время в глубине его благородного сердца шелохнулось чувство раскаяния перед слабой женщиной за причиненное ей страдание. По короткому размышлению он решил, что его прегрешение никак не тяжелее вины «черного вестника», принесшего плохую новость по долгу службы. На этом его сомнения рассеялись, и он продолжил жить с привычным ощущением собственной правоты.

Отдохнув в тихой солнечной Калабрии, королевская чета направилась в Париж и погрузилась в повседневные хлопоты. Людовик ждал, когда жена пожалеет о своей измене и объяснится с ним. Но дни шли за днями, а она как будто забыла о своем пылком увлечении и страшной судьбе мимолетного любовника. Король посчитал ее легкомысленным и бездушным существом. Как и всякий небожитель, он не считал нужным вникать в тонкости устройства женской души. Он и не догадывался, как много сладостных тайн, нежных привязанностей, безотчетных антипатий и коварных замыслов она способна вместить! Разве мог он подумать, что и в любви, и в разладе женщины идут гораздо дальше мужчин? И это пренебрежение самой сутью человеческой природы обошлось ему очень дорого.

Дороги чужбины

Вернувшись в Константинополь, Андроник сразу почувствовал себя неуютно. Его держали в стороне от важных дел, редко приглашали на дворцовые торжества, и лишь от случая к случаю удостоивали встреч с императором. А вскоре он обнаружил за собой слежку! Хорошо зная нравы, царившие во власти, он не стал дожидаться злого поворота судьбы и решил бежать. К тому времени его дом осиротел: жена умерла, а старший сын обзавелся собственной семьей. Младшего сына, Иоанна, входившего в пору зрелости, и маленькую Марию он оставил на попечение родственников.

Он направился в Антиохийское княжество, где рассчитывал найти безопасное убежище. Дух свободы еще витал на этой прекрасной земле, воспетой поэтами как «невеста Востока». Хотя больше ей подошло бы прозвание «долина несчастий», ибо злой рок издавна преследовал ее правителей. Андроник хорошо помнил князя де Пуатье, некогда волею судьбы заброшенного в эту цитадель крестоносцев и со славой удерживавшего ее от натиска сельджуков. Отважный князь погиб от руки одного из полководцев Нур ад-Дина, оставив у кормила власти молоденькую вдову Констанцию с четырьмя малыми детьми. После долгих переговоров с сюзереном, королем Иерусалимским, княгиня настояла на своем замужестве за невесть откуда взявшемся рыцарем де Шатильоном. Тот стал править от имени старшего сына де Пуатье Боэмунда, но через несколько лет он попал в плен к Нур ад-Дину. Пока он там сидел, Боэмунд достиг совершеннолетия и предъявил свои права на княжеский престол. Король Иерусалимский поддержал его, но Констанция не пожелала расставаться с

властью и обратилась за помощью к византийцам. Узнав о амбициях вдовы, лучшие люди Антиохии возмутились и изгнали ее из княжества. Не выдержав испытаний, она в том же году умерла на чужбине. Но беда не обошла стороной и Боэмунда: не успел он освоится со своим высоким положением, как в одном из сражений попал в плен к Нур ад-Дину. Лишь через год удалось собрать деньги на его выкуп.

Андроник надеялся, что Боэмунд, едва оправившийся от унижительных приключений, будет рад опереться на опытного военачальника. И его расчет оправдался. Князь радушно встретил высокородного беглеца, сделал его своим советником и предоставил ему достойные условия для жизни.

Но в воистину несчастный день Андроник встретил сестру Боэмунда, юную красавицу Филиппу, и по неискоренимому свойству своей натуры, увлекся ею. Она ответила взаимностью и бросилась в пучину страсти, забыв о своем отечестве и внешних приличиях. Счастливые влюбленные не видели в своих отношениях ничего предосудительного. Между тем, старшая сестра Филиппы, прекрасная Мария, была замужем за Мануилом, который, узнав о проделке брата, расценил его поведение как наглое вторжение в свои семейные дела. Ярости императора не было предела! Опасаясь скорой и суровой кары, Андроник бежал в Иерусалим.

Король крестоносцев обрадовался приезду близкого родственника василевса, встретил его с подобающим почетом и дал ему в управление Бейрут. Вольный воздух произвел на гостя целительное действие и его сердце распахнулось для новых романтических приключений. На свою беду он встретил вдову предыдущего Иерусалимского короля Феодору. Она овдовела в семнадцать лет и уже три года жила в одиночестве.

Наполненные сладостной негой глаза Феодоры пленили Андроника. Она ответила ему взаимностью, и они поженились. Все было бы хорошо, но Феодора приходилась императору Мануилу племянницей. Узнав об новой бесцеремонной выходке брата, император решил, что тот сознательно бросает ему вызов, своевольно безумствуя в утолении злой похоти там, где надлежит смиренно испрашивать высочайшее позволение!

И пока счастливый молодожен блаженствовал в объятиях утонченной Феодоры, Мануил направил подвластным и дружественным правителям приказ немедленно задержать и ослепить распоясавшегося женолюба. Одно из таких

писем попало в руки Андроника, приведя его в сильнейшее волнение. Грамота была настоящая: писана пурпурными чернилами и перевязана красным шелковым шнурком! Времени на раздумья не оставалось, и наскоро попрощавшись с гостеприимными хозяевами, Андроник с Феодорой отбыли в Дамаск.

Нур ад-Дин, эмир этой жемчужины Востока, оказал знатному изгнаннику полагавшиеся ему знаки внимания и предоставил в его распоряжение прекрасный дворец со слугами. Развлекать гостя он поручил своему ближайшему помощнику Асад ад-Дину, испытанному воину, знавшему толк в увеселениях.

Тот явился к своему подопечному и торжественно объявил:

– О, доблестный Андроник, пришло время сбросить с себя черные одежды печали, и облачиться в светлые покровы веселья!

Андроник с недоумением посмотрел на посланца эмира, не понимая, о чем идет речь.

Асад охотно разъяснил свои слова:

– По велению Нур ад-Дина, да продлит Аллах, милостивый, милосердный, его дни, я должен превратить твою жизнь в сказку! И для начала тебе нужно выбрать несколько наложниц... Для услады души и сердца...

Андроник нерешительно спросил:

– А как же Феодора? Она не допустит таких вольностей...

Асад успокоил его:

– Мы же с тобой воины. Каждый из нас может в любой момент предстать перед Всевышним, держа собственную голову подмышкой. Поэтому сегодня надо брать все, что дает нам изменчивая судьба, – он заговорщически понизил голос. – В отдаленном углу дворцового сада есть небольшой домик, и я приказал привести его в порядок. О нем никто не знает, и ничто не мешает тебе вкушать там

сладкие плоды жизни, – он обезоруживающе улыбнулся. – Прекрасная Феодора тоже будет довольна, ведь она останется в счастливом неведении!

Андроник с легким сердцем согласился на предложение нового друга. Через несколько дней к нему привели юную смуглянку, тонкую и гибкую, как стебелек весеннего цветка. Дрожа от нетерпения, он уединился с ней в тайном домике. Вскоре к ней присоединилась луноликая северянка с нежной кожей и пышными формами. С тех пор Андроник стал навещать супругу лишь от случая к случаю, скупно отмеривая ей торопливые вымученные ласки. Свою занятость и усталость он объяснил участием в ответственных государственных делах. Асад время от времени приходил к чете на семейные обеды и с важным видом обсуждал с Андроником всякие премудрости, поддерживая в Феодоре веру в высокую значимость ее мужа.

Однажды Асад познакомил его со своим молодым племянником, Юсуфом ибн Айюбом. Тот не употреблял вина, увлекался математикой, отлично знал восточную поэзию, помнил наизусть множество мудрых притч и был очень приветливым и обходительным человеком. Его присутствие облагораживало атмосферу досуга друзей и часто рождало философские споры.

Добрый Юсуф искренне сочувствовал гонимому Андронику и всячески пытался направить его на путь примирения с братом:

– Каждый повелитель хочет иметь толковых помощников и преданных слуг. Разве Мануил заинтересован в умножении опасных врагов вокруг себя?

Андроник попытался оправдаться:

– Я всего лишь отстаивал свои права. Он держал меня в подземелье дворца десять лет, я испытал крайнюю степень отчаяния и только чудом бежал оттуда! И теперь он старается пленить меня. И это неспроста, – он тяжело вздохнул. – У нас существуют два старых способа избавиться от конкурента на трон: кастрировать или ослепить его. В этих случаях пострадавший перестает быть претендентом на высшую власть, так как по древней ромейской традиции василевсы должны быть способны покрыть женщину и не могут иметь явных физических недостатков. Как только я попаду в руки Мануила, он немедленно подвергнет меня позорной экзекуции, великодушно предоставив мне право выбора одного из двух ее способов!

Хотя у Асада был только один глаз, он с легкостью проникал в самую суть явлений. Из лучших побуждений он дал другу хороший совет, подкрепив его поучительной историей:

– О, славный Андроник, не каждый человек, имеющий глаза, – зрячий! Лишь немногим дано видеть, что смирение удлиняет жизнь, а своеобразие – укорачивает. Вот простой пример житейской мудрости. Если в светлом сиянии дня правитель скажет: «Вот и ночь наступила», благоразумный должен ответить: «Как же она прекрасна! Я вижу, как Луна и звезды взошли на небосвод, чтобы приветствовать тебя, о, повелитель вселенной!»

Андроник возмутился:

– Где же тут здравомыслие?! Это беззастенчивая лесть, вздувающая пороки подобно меху!

Асад невозмутимо заключил:

– Лесть никогда не бывает чрезмерной! А спорить с господином – все равно, что ловить рукой клинок, рассекающий воздух!

Яркий довод произвел на Андроника сильное впечатление и на этом спор закончился.

Однажды дружная компания поехала осматривать Дамаск. И тут Андроник понял, почему этот город с незапамятных времен называют жемчужиной мира. Его дворцы, мечети и дома тонули в бескрайнем море садов, повсюду журчала забранная в аккуратные канавки вода, ароматы цветов радовали душу. А вокруг самого большого фонтана постоянно толпилось множество любопытных людей. Его бесчисленные струи переплетались и образовывали трепещущее дерево. Друзья долго стояли около него, не в силах оторвать глаз от удивительного зрелища.

Побывали они и в знаменитой пещере, называемой «Голодной».

Юсуф рассказал старинное предание, согласно которому она и получила свое прозвание:

– Когда-то здесь заблудилось несколько праведников и у них была только одна лепешка на всех. Каждый, у кого она оказывалась в руках, передавал ее соседу. Так она и ходила между этими достойными людьми, пока все они не умерли от голода!

Андроник подивился странной истории и истолковал ее по-своему:

– Они погибли потому, что были слабыми!

Юсуф с горячностью возразил:

– Там были сильные духом подвижники и каждый из них хотел спасти других!

– Истинная сила духа заключается в способности подчинять людей своей воле! Сильные призваны быть пастырями слабых и давать им правила жизни! Если бы среди них был сильный человек, он бы взял лепешку, съел ее и повел за собой остальных!

Асад не мог остаться в стороне от спора и поддержал гостя:

– Славный Андроник прав. Их убила чрезмерная доброта. Она делает человека слабым, не позволяет ему наступить ближнему на горло и отнять у него еду!

Юсуф не сдавался:

– Желание делать добро движет многими людьми, и оно выше грубой силы!

Асад укоризненно посмотрел на племянника и назидательно сказал:

– О, Юсуф, положиться на доброго – это то же самое, что опереться на ветер. Такой правитель дни и ночи будет оплакивать тяжкую долю сырых и убогих. А кто исполнит священный долг власти?

Андроник запальчиво развил мысль друга:

– Кто соберет подати? Кто оденет, обует и накормит воинов? Кто даст им мечи и боевых коней? Кто вдохнет в их сердца мужество и бросит их в кровавую сечу? Только сильный!

Асад коротко и неумолимо подвел итог дискуссии:

– Миром правит сила, не знающая улыбки! Во имя порядка и справедливости все должны подчиниться ей!

Юсуф замолчал, пытаясь уместить в своей умной голове столь грубые истины.

Дни Андроника летели легко и беззаботно, но однажды Феодора сообщила ему о своей беременности. В скором времени она разрешилась мальчиком и девочкой. За приятными хлопотами незаметно пришла осень с нежными утренними туманами, прозрачным дневным воздухом и нежарким солнцем. Жизнь Дамаска, освеженная прохладой, ускорила и заиграла свежими красками. В хаосе обыденных новостей все чаще стали проскальзывать смутные слухи о надвигающейся войне. Андроник насторожился: в случае большого столкновения между мусульманами и христианами его спокойной жизни мог прийти конец. И на первой же встрече с Асад ад-Дином он задал тревоживший его вопрос:

– Почтенный Асад, многие говорят о грядущем наступлении на крестоносцев. Кажется, битвы последних лет не дали Нур ад-Дину решающего перевеса. Зачем ему еще одна война?

– Для великого человека важно постоянство цели. Атабек предан делу защиты истинной веры и преуспел в нем. Недаром Багдадский халиф присвоил ему почетное имя «Опора повелителя правоверных»! Он уже двадцать лет идет по однажды избранному пути и неуклонно расширяет свои владения. И побеждает не только мечом, но и хитростью, примером чего явилось бескровное взятие Дамаска. Я готов рассказать тебе эту поучительную историю.

– С удовольствием послушаю ее.

– Эмиром тогда был некий Абак. Я и мой брат Айюб, отец Юсуфа, предложили атабеку захватить город внезапным ударом конницы. Нур ад-Дин остановил наш порыв и сказал: «Разузнайте-ка побольше о слабостях эмира!» Мы быстро

выяснили, что Абак был крайне подозрительным и недоверчивым человеком. Атабек приказал направить в город лазутчиков под личиной торговцев. Вскоре в Дамаске распространились слухи о заговоре, который лучшие люди якобы замышляют против своего повелителя. Как только они достигли ушей эмира, началась потеха! Почти каждый день на базарной площади рубили головы самым верным и опытным соратникам правителя. Через несколько месяцев власть опьяневшего от крови Абака утратила опору и ослабела настолько, что стоило нам подойти к Дамаску, как он бежал, а жители с восторгом приветствовали нового эмира!

Андроник восхищенно сказал:

- Любой властитель гордился бы такой победой!

- А наши неудачи в Египте имеют свои причины. Халиф аль-Адид позвал на помощь крестоносцев, которые вытеснили нас оттуда. Но скоро мы вернемся и сбросим их в море!

После разговора с Асад ад-Дином Андроник потерял покой. Дамаск представился ему золотой клеткой, дверца которой вот-вот захлопнется. Расчетливый Нур ад-Дин вполне мог выдать его Мануилу в обмен на договор с Византией, направленный против рыцарей!

И тут ему пришло неожиданное приглашение от халифа аль-Мустанджида посетить Багдад. Поблагодарив Нур ад-Дина и своих верных друзей, Асада и Юсуфа, за гостеприимство, он бросился в погоню за новой иллюзией.

Дорога шла по знойным пескам Сирийской пустыни. Оазисы встречались редко, вода в их источниках была мутной и теплой. Из еды имелись лишь черствый хлеб, сушеные изюм и финики. Передохнуть удалось лишь где-то в середине пути, в зеленом городке Тудмор, в древности называвшемся Пальмирой. С незапамятных времен путешественники соревновались в эпитетах, называя его то «городом пальм», то «невестой пустыни». Но дальше снова потянулось пышущее жаром каменистое пространство. В ответ на сетования Андроника невозмутимый караван-баши рассказал историю из своей жизни:

- О, благородный господин, в наших странствиях бывает и похуже! Когда-то в далекой молодости мне нужно было пересечь Ливийскую пустыню, и я

пристроился к большому каравану. Погода стояла тихая и поначалу наш путь был благополучен. Внезапно налетела буря и стала душить людей и верблюдов арканами песчаных вихрей. В наступившей мгле мы растерялись и стали метаться по зыбучим пескам. Когда ветер стих, и горизонт прояснился, я обнаружил, что остался один. У меня не было ни еды, ни питья, и я оказался посередине настоящей жаровни! Я знал, что надо идти вперед, и стоит только пасть духом и остановиться, как на тебя падет тень смерти. Солнце слепило глаза, временами передо мной всплывали пышные оазисы, и я из последних сил бросался к ним. Но они растворялись в волнах дрожащего воздуха! Однажды один из них остался на месте. Испугавшись, как бы и он не исчез, я кинулся к ближайшей пальме и в поисках воды начал руками рыть яму. Мне повезло: я докопался до своей спасительницы! И хотя мне пришлось выжимать влагу по капле из комков грязи и песка, это была самая вкусная вода в моей жизни! Кое-как утолив жажду, я почувствовал голод. Осмотревшись вокруг, я нашел потертый мешок, в каких обыкновенно хранят зерна. Во мне вспыхнула надежда: а вдруг он наполнен жареным просом? С трудом смирив волнение, я развязал тугий узел. И каково же было мое разочарование, когда оказалось, что мешок наполнен отборным жемчугом! Я несколько раз ощупал каждый камушек, но не нашел ни одного съедобного зернышка!.. А от мучительной смерти меня спасла небольшая компания купцов, волею Всевышнего занесенная в оазис. С тех пор я накрепко усвоил простую истину: дальняя дорога будет успешной, если у путника на каждый день будет кусок лепешки и глоток воды! А изысканные желания исполнятся в лучшие времена, ибо красивая жизнь не пройдет мимо счастливого!

Андроник посмотрел в смеющиеся глаза рассказчика и не смог сдержать улыбку:

- Ты прав, почтеннейший шейх! Будем довольствоваться тем, что имеем...

На другой день в лучах утреннего солнца перед скитальцами открылась блестящая лента Евфрата, окаймленная пышной растительностью. Караван ускорил движение и вскоре подошел к реке. Андроник, забыв обо всем, с шумом бросился в воду и стал там плескаться. Дети с громкими криками бегали по мелководью, разбрызгивая во все стороны живительную влагу. Вынырнув в очередной раз на поверхность, Андроник набрал побольше воздуха и прокричал жене, сидевшей на берегу:

- О, прекраснейшая из прекрасных и терпеливейшая из терпеливых, послушай, что говорят мудрейшие из мудрых:

О жажде спроси у скитальца в пустыне, иссохшей от зноя.

Как цену воде ты узнаешь, у тока Евфратского стоя?![28 - Саади. Пер. с перс. Ф. Корша. 1916.]

И он тут же скрылся под водой. Феодора с любовью смотрела на расшалившуюся кампанию и беззаботно смеялась.

Теперь, когда тяготы перехода были позади, путники отдохнули и переправились через реку. Они оказались на живописной равнине, пересеченной множеством рукотворных каналов, соединявших Евфрат и Тигр. Повсюду раскинулись сады и возделанные поля. После короткого пути перед ними открылся величественный Багдад, волшебная сказка и золотой сон Востока!

У ворот города их встретили посланцы халифа и сопроводили в отведенный им красивый дом с фонтаном и белым мраморным бассейном. Вокруг простирался плодовый сад, разделенный рядами стройных кипарисов. Бесчисленные цветники с гвоздиками, персидскими розами и лилиями радовали глаза и несли освежающий аромат.

На другой день Андроника пригласили к халифу. Достойный потомок высокочтимого Аббаса принял его в парадной зале главного дворца, устланной роскошными персидскими коврами. Он сидел на диване, обложенный шелковыми подушками. Его чуть смугловатое лицо с высоким лбом, умными пронизательными глазами и аккуратной бородкой вызывало симпатию. Тюрбан из тончайшего шелка и одежда из дабикийской ткани оттеняли благородный облик халифа. Справа и слева от него расположились приближенные вельможи и советники.

Блеск двора духовного повелителя мусульманского мира завораживал взор, но Андроник знал, что это был лишь отсвет прежнего могущества. Сто лет назад пришедшие из глубин Азии сельджуки подчинили арабов. Их беки оставили халифам внешние признаки власти, приняв на себя скромное звание их наместников и право именоваться «султанами и владетелями Востока и Запада». После распада сельджукской империи ее западной частью завладел Нур ад-Дин,

отличавшийся уважительным отношением к халифам. Так что здесь Андроник мог чувствовать себя в относительной безопасности.

Принадлежность к высокому роду освобождала его от церемоний, обязательных для обычных посетителей: глубоких поклонов и, тем более, коленапреклонений у порога залы. Приблизившись к халифу, он с достоинством преклонил голову и сказал:

– Всемилостивый повелитель Востока хотел меня видеть! Я – здесь!

Аль-Мустанджид окинул восхищенным взглядом мощную фигуру гостя и жестом руки пригласил его сесть неподалеку от себя. Как только Андроник устроился на отведенном ему месте, халиф спросил:

– Благополучен ли был твой путь?

– Все прошло хорошо. Я счастлив, что сбылась моя давняя мечта – увидеть несравненный Багдад, настоящее чудо света!

Халиф благосклонно улыбнулся:

– Мы называем его Мединет-Ислам, что значит «город мира и благодати». Он с открытым сердцем встречает всех, кто приходит с чистыми намерениями и с доброй душой спешит навстречу их желаниям! Надеюсь, здесь твоя судьба перестанет хмуриться, и ты обретешь покой души.

– Мои беды – дело рук человеческих...

Халиф сочувственно покачал головой и пристально посмотрел на гостя:

– Каждый вправе посчитаться с тем, кто стесняет его жизнь!

Андроник смутился и после некоторой заминки ответил:

– Я надеюсь договориться с императором Мануилом по-родственному...

– Правитель земли румов[29 - Земля румов – распространенное название Византии на Востоке.] сотворен из чистейшего коварства. Ему ничего не стоит выдернуть ковер из-под ног даже близкого человека! Ты не раз страдал от его козней, а твои единоверцы в аль-Кудсе и Антакье[30 - Аль-Кудс и Антакья – арабские названия Иерусалима и Антиохии соответственно.] не смогли помочь тебе!

К величайшему прискорбию, халиф был прав! Гонения брата отдавались болью в душе Андроника и звали к мести, но сейчас он почел за лучшее промолчать.

Аль-Мустанджид продолжил:

– Волей Аллаха, милостивого, милосердного, мы ведем священную войну с франками, захватившими исконные земли мусульман. Наш верный слуга, победоносный Нур ад-Дин, вернет нам священный аль-Кудс, – он сделал короткую паузу, и вкрадчиво посмотрел на гостя. – Ты мог бы найти защиту у правоверных, а нам бы пригодились твои советы. Рано или поздно мы двинемся на румов, и ты расплатишься с Мануилом его же монетой!

Андроник понял, что приглашение аль-Мустанджида было не случайным, а имело дальний и точный прицел. Разумеется, он не мог открыто сотрудничать с врагами христиан, но и прямо отказать халифу в его просьбе было бы опрометчиво. Он вспомнил хитроумные советы Асад ад-Дина и Юсуфа и ответил с подчеркнутым смирением:

– Мои советы вряд ли будут полезны, ведь призрачный огонек моих познаний меркнет в ослепительном сиянии мудрости повелителя Востока!

Глаза аль-Мустанджида потеплели, и Андроник подумал: «Сладкая стрела лести попала в цель! Уроки моих друзей не прошли даром! Пожалуй, здесь я мог бы стать визирем!»

Ответ и вправду пришелся халифу по душе, но он оценил его по-своему: «Этот силач очень осторожен. Несмотря на все обиды, причиненные ему братом, он не спешит с мезтью... Ну что же, положимся на терпение, ценнейший дар Аллаха. Всякий плод поспекает в свое время, а созрев, сам падает в руки умеющего ждать!»

И он пригласил присутствующих к трапезе. По его сигналу в залу вошли слуги с сосудами с водой и салфетками, и гости совершили омовение. Затем мальчики редкой красоты внесли и расставили низкие столики. И нескончаемой чередой последовали изысканные кушанья, разложенные на золотых блюдах: сваренное в миндальном молочке пшено, приготовленный на открытом огне барашек с фисташками, запеченный в сметане ягненок, приправленная горными синайскими травами жаренная рыба. Застолье завершили шербет со снегом, орехи, виноград и неизъяснимая сладость мира – хорезмийская дыня...

Сами собой покатались беззаботные дни Андроника. Он участвовал в праздниках, охотах и плаваниях повелителя правоверных по Тигру на раззолоченном корабле под красными парусами. Аль-Мустанджид оказался просвещенным и интересным человеком: он увлекался астрономией, хорошо знал восточную поэзию и писал стихи. Андроник не уступал собеседнику в красноречии и к месту цитировал великого Гомера. Вскоре он занял почетное место в ближнем окружении халифа.

Но идиллия продлилась недолго. Внезапно вспыхнула война и под ногами Андроника качнулась земля, а в душе потянуло ветром странствий: нужно было искать новое убежище! Он решил направиться на север, где-то там повернуть на запад и подобраться поближе к рубежам Византии. Именно там его ждало настоящее дело!

Халиф на удивление спокойно воспринял желание гостя покинуть Багдад и даже весьма доброжелательно напутствовал его:

– Славный Андроник, твоя тревога за близких понятна. Желаю тебе найти самое лучшее место в подлунном мире!

Следующие годы пролетели для Андроника, как во сне. Он проехал Харран, Мардин, Эрзерум, Грузинское царство, Карию и в конце концов остановился в Халдии. Местный эмир дал ему в управление Колонею, небольшую крепость на границе с Византией. Андроник набрал небольшое, но боеспособное войско и начал тревожить приграничные провинции империи внезапными набегами.

По наущению разозленного Мануила константинопольский патриарх отлучил возмутителя спокойствия от церкви. Это только раззадорило Андроника и в его сердце родилась новая страсть – острое желание мести. И его набеги стали

поистине варварскими.

Однажды, вернувшись из очередной вылазки, Андроник обнаружил, что воины, охранявшие крепость, убиты. Возле дома были видны следы борьбы: скамейки и кустарники сломаны, цветники растоптаны. Предчувствуя недоброе, он бросился в комнаты Феодоры. Там царил полный разгром, а любимая жена и дети исчезли!

Опасное наследство

Юсуф стоял рядом с Асад ад-Дином и ловил каждое слово грозного Нур ад-Дина:

– Халиф аль-Адид потерял власть над Египтом. В свои одиннадцать лет он занят играми. Фактическим правителем стал визирь Шавар, заключивший союз с франками, да падет на них проклятие Аллаха! Аль-Кахира вносит раскол в ряды последователей истинной веры, не признает духовного первенства Багдада и извлекает выгоду из наших войн с христианами. В свое время мы взяли Эдессу и Дамаск, потеснили рыцарей в Антиохии, одержали другие важные победы... Осталось взять Египет, чтобы окружить крестоносцев!

Нур ад-Дин прошелся по зале и остановился около Асада:

– Я всегда держал тебя и твоего брата Айюба у своего сердца. Вы хорошо служили моему покойному отцу, да будет доволен им Аллах! Да и мне оказали много бесценных услуг. Вот только аль-Кахира и Александрия оказались для вас ускользающей добычей. Но теперь все перевернулось! Франки напали на приграничные города Египта и устроили там кровавую резню. Сейчас аль-Адид пребывает в растерянности, страх кусает его сердце, и он прислал мне письмо, где взывает о срочной помощи, – он помолчал. – Отправляйся к нему. Я отдаю тебе лучших воинов, возьми и своих верных курдов. Истреби изменников, окружающих халифа и наставь его на путь истины. Возьми под свою руку Александрию и торговлю восточными товарами. Объяви мою милость христианским купцам: пусть наживают справедливые барыши и платят нам пошлины. Пока в их карманы сыплется золото, они будут нашими союзниками!

Эмир посмотрел на Юсуфа и его суровое лицо слегка смягчилось:

– А ты, сын славного Айюба, должен стать для своего дяди правой рукой. Знаю, что у тебя не лучшие воспоминания о вашем последнем походе на аль-Кахиру и Александрию, – он бросил взгляд на побледневшего Асада. – Но однажды начатое дело должно быть закончено!

Юсуф хотел было уклониться от трудного поручения, но слова застряли у него в горле, и он растерянно посмотрел на дядю. Единственный глаз Асад ад-Дина предостерегающе впился в лицо племянника, и он взмолился:

– О, Юсуф, отложи на малое время свои увлечения. С соизволения всевышнего Аллаха, мы выполним поручение нашего повелителя, – он поклонился Нур ад-Дину, – и ты вернешься к странствованиям по тропинкам ума. Горько терпение, но сладки плоды его!

В знак повиновения Юсуф склонил голову перед атабеком. Так железной волей Нур ад-Дина спокойное течение его молодой жизни было повернуто в новое русло.

Асад в самое короткое время собрал войско и выступил в Египет. Простые воины уважали его за редкую физическую силу и готовность делить с ними все тяготы похода. Он не чурался их грубой пищи, любил выпить с ними дешевого вина и с улыбкой сносил грубые шутки над своим низким ростом и бельмом на глазу. Со всей присущей ему энергией он совершил стремительный марш и остановился лагерем неподалеку от аль-Кахиры.

Аль-Адид, узнав о прибытии сирийского войска, известил Асад ад-Дина о своем намерении навестить его. Тот не мог ударить лицом в грязь перед халифом и все оставшееся время посвятил подготовке торжественной встречи: воины чистили оружие и приводили в порядок одежду и амуницию. Утром Асад построил армию, и Юсуф невольно залюбовался необычным зрелищем: отряды стояли ровными рядами и сияющие блики от восходящего солнца весело прыгали по начищенным кольчугам, шлемам, щитам и наконечникам копий. Множество знамен с шумом трепетало на свежем ветру.

Вскоре со стороны аль-Кахиры раздались громкие звуки музыки и на дороге между густыми рядами пальм показалась пышная процессия. Впереди ехали эмиры с серебряными копьями. Упряжь их коней блистала цветной эмалью, золотом, серебром и драгоценными камнями. На ногах коней звенели

позолоченные колокольчики. За ними двигались всадники с двумя «знаменами славы» и отряд «юношей свиты» с большими шелковыми флагами и позолоченными копьями с изображениями полумесяца и львов. Особо доверенный слуга халифа вез символ власти – золотую чернильницу, искусно оплетенную редкими кораллами. Один из самых почтенных эмиров держал на вытянутых руках меч с золотой рукоятью, выкованный в незапамятные времена из упавшей с неба «громовой стрелы».

В центре шествия на белом коне ехал аль-Адид. Его голова была увенчана большим тюрбаном с искусно выложенными на нем драгоценными камнями в виде полумесяца. В его центре красовалась бесценная жемчужина невероятных размеров, притягивая восхищенные взоры окружающих. Халифа сопровождал одетый в парчу сановник, державший над повелителем белый зонтик на золотой рукоятке, усыпанный драгоценными камнями и жемчугом. Двое дюжих слуг несли гигантские опахала с золотыми рукоятками, навевая на господина приятную прохладу.

По сторонам от халифа двумя большими крыльями ехала тысяча «стремянных юношей» и «стражей трона», воинственно потрясая полированными позолоченными мечами, булавами и палицами. Рядом шли евнухи и возжигали ароматные травы, алоэ и амбру.

Десять статных слуг несли украшенные пышными кистями «кровавые мечи», предназначенные для казни преступников. Их сопровождали «носители малого оружия», – триста высоких чернокожих юношей-берберов, вооруженные посеребренными щитами и дротиками с серебряными рукоятками.

С оглушительным шумом шагали музыканты с флейтами, барабанами и бубнами. Два десятка мулов везли на себе звенящие литавры. Завершали процессию отборные отряды воинов разных племен, находившихся на службе у халифа: всадники, пехотинцы, моряки, лучники и арбалетчики.

Подъехав к сирийскому лагерю, халиф приказал готовить походный стан. Слуги бросились расседлывать верблюдов и лошадей. Они разбили для повелителя невиданный по размерам шатер из румийского шелка, шитого золотом и покрытого россыпью драгоценных камней. Под его пологом могло укрыться сто всадников!

Великолепие и блеск процессии поразили Асад ад-Дина, его единственный глаз округлился от удивления, пальцы беспокойно теребили пояс. Он толкнул племянника локтем в бок и восхищенно прошептал:

– Я слепну от сияния золота! И ведь это малая часть египетских сокровищ... – он грустно добавил. – Кто мы на этом празднике жизни? Не окажемся ли мы в положении ослов, которых привели на веселую свадьбу только для того, чтобы возить на них дрова и воду?..

Увидев, что халиф сошел с коня, он поспешил ему навстречу. Они уединились в шатре для переговоров, которые закончились грандиозным пиром, устроенным в честь гостей. Осмотрев выстроенную в поле сирийскую армию и оказав славным воинам знаки милостивого внимания, аль-Адид торжественно отбыл в аль-Кахиру.

Асад ад-Дин пришел в шатер Юсуфа и радостно облобызал его. Круглое лицо дяди было пунцовым от выпитого вина, он был в благодушном настроении и молодежато изрек:

– О, Юсуф, истинная радость для воина – победить врага, собственными руками отрубить ему голову и положить ее к ногам своего господина. Это большая услуга, и он всегда ее оценит!

Он помолчал, гордо расправил мощную грудь и начал свой рассказ:

– Двадцать лет назад я совершил настоящий подвиг. Мы, курды, уже давно служим сельджукским атабекам, и служим честно. Многие годы у нас шли жестокие схватки с христианами, утвердившимися в Антиохии. У них погибло много князей, и в конце концов из всего правящего рода осталась только одна наследница – девятилетняя Констанция. Король Иерусалимский нашел ей подходящего мужа в стране франков. Это был молодой рыцарь де Пуатье, прославившийся своей красотой и силой. Он преодолел опасный путь и добрался до Антиохии. Увидев его, многие знатные дамы воспылали страстью к голубоглазому мужчине со светлыми волосами. И даже мать Констанции, одна из дочерей короля Иерусалимского, не смогла совладать со своими чувствами и предложила ему жениться на себе. Но отважный юноша хорошо знал, чего хочет. Он похитил юную наследницу, вступил с ней в законный брак и стал князем Антиохии. Удача сопутствовала ему во всем, и в кровавых битвах ему не

было равных. Он мог ударом копья опрокинуть всадника с лошадей на землю или страшным ударом меча разрубить своего противника до седла. Руками он ломал копья и гнул кованные гвозди!

Юсуф с недоверием посмотрел на дядю, но тот утвердительно покачал головой:

– Да! Это сейчас силачи встречаются редко, а в прежнее время мир был полон героев!

Асад тяжело опустился в походное кресло и продолжил:

– В то время случилось великое нашествие христиан на наши земли. Король франков прибыл с молодой женой. Ее звали Алиенора, и она была наделена красотой, грацией и каким-то особым величием. Люди с первого взгляда распознавали в ней природную королеву и исполняли любой ее каприз. И еще она была известна своими огненными волосами! Словом, – это была чудесная женщина!.. – он перевел дух. – В конце концов они оказались в Антиохии и пробыли там несколько дней, оказавшихся для короля роковыми. Алиенора не устояла перед отчаянным де Пуатье и вступила с ним в любовную связь...

Возмущению Юсуфа не было предела:

– Король должен был изгнать ее!

– Все не так просто! Бриллиант, упавший в грязь, остается бриллиантом! Король без памяти любил жену, и ему пришлось безропотно перевернуть печальную страницу их отношений. Он увез ее в Тир, где собрались объединенные силы христиан. Однако их нападение на Дамаск оказалось неудачным, и пришельцам пришлось убраться домой. А де Пуатье остался без подмоги, и в начале жаркого лета его отряд попал в нашу засаду у источника воды. Мы встретились с князем лицом к лицу. И не было равных ему в битве на мечах, как не было равных мне в метании копья! Я опередил его, и пущенное мною остро отточенное жало пробило отважное сердце. И это был удар милосердия, ибо князь умер мгновенно! Следуя традиции, я отрубил его светловолосую голову и положил ее к ногам Нур ад-Дина, когда она еще сочилась теплой кровью. Атабек, соблюдая обычай, приказал заключить ценную добычу в серебряный ларец и отослать ее Багдадскому халифу. А я получил щедрую награду и доверие своего господина!

Легкая задумчивость затуманила лицо Юсуфа, и он спросил:

– А может быть, князь полюбил королеву и искал смерти после разлуки с ней?..

Асад с доброй улыбкой посмотрел на племянника:

– Эти слова сказал живущий в твоей душе поэт. Де Пуатье был истинным воином и жаждал ратной славы. Он бесстрашно смотрел в лицо смерти, погиб в честном бою и достоин уважения!

Он вздохнул и грустно добавил:

– Мне было жаль молодую вдову князя, оставшуюся с малыми детьми. На ее руку было много знатных претендентов, но она выбрала простого рыцаря по имени де Шатильон, пленившего ее необычайной энергией и удачью. Он отличался редкой неугомонностью и доставлял нам очень много хлопот. Но однажды во время набега на наши земли этот нечестивец попал в плен к Нур ад-Дину. И сейчас он сидит в Алеппо. К сожалению, атабек склонен к благородным поступкам и, наверное, выпустит на свободу этого иблиса[31 - Иблис (в исламе) – падший ангел, ставший коварным искусителем, и старающийся сбить верующих с истинного пути.], воплощенного в человеческое обличие.

И он философски закончил свой рассказ:

– Кто правильно предскажет будущее? Может быть, тебе придется столкнуться с этим неистовым рубакой, ослепленным ненавистью к истинной вере. И если это случится, да поможет тебе Аллах, милостивый, милосердный, избавить нас от самого опасного врага!

Асад тряхнул головой, избавляясь от воспоминаний, встал с кресла, взял племянника под руку, отвел его в сторону и прошептал:

– Теперь поговорим о главном. Халиф доверяет мне. Я убедил его наказать визиря Шавара за его предательские дела. Но этот сын шакала и свиньи почуял опасность, затаился в своем дворце и повсюду разослал соглядатаев. Именем Нур ад-Дина я приказал ему явиться к нам для переговоров. И теперь его надо встретить надлежащим образом...

– Как?

– Согласно своему сану, Шавар едет на коне в сопровождении знаменосца, трубачей и барабанщиков. Подстереги эту буйную шайку в укромном месте по дороге сюда и разгони ее плетью. Скользкого интригана с мешком на голове привези в лагерь и посади под крепкую стражу в отдельный шатер. Прикажи рубить всякого, кто будет приближаться к нему и что-нибудь разнюхивать! Как только халиф даст письменный указ отрубить изменнику голову, лично исполни высочайшую волю. И будь осторожен, здесь повсюду крутятся люди визиря и пытаются что-то выведать. Я чувствую, как глаз злодея, – да будет он вырван! – следит за нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Франки – общее прозвание западных христиан на Востоке.

2

Изар – род одежды арабских женщин, состоящий из куска ткани, обертываемого вокруг тела.

3

Атабек – правитель относительно самостоятельной области в сельджукском султанате.

4

По мотивам: Хафиз. Пер. с перс. Б. Лапина и З. Хацревина. 1933.

5

Страна Миср – средневековое название Египта.

6

Аль-Кахира – средневековое название Каира.

7

Зиндан – вид подземной темницы с глубокой ямой.

8

Рика – один из самых распространенных почерков арабского и персидского письма.

9

По мотивам: Хафиз. Пер. с перс. Ф. Корша. 1916.

10

«Принятие креста» или принесение «обета креста» – обряд вступления в ряды крестоносцев, включавший освящение и благословение регалий паломника: креста, посоха и сумы.

11

Андалусия – название Пиренейского полуострова у мавров, в то время владевших значительной его частью.

12

Ромейская держава – одно из средневековых названий Византии.

13

Офир – легендарная страна, полная золота, драгоценных камней, слоновой костью, красным и сандаловым деревьями. Упоминается в Библии.

14

Редьярд Киплинг. Пер. с англ. Е. Полонской. 1936.

15

Аббасидские халифы властвовали в Багдаде и выводили свое происхождение от Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба – дяди пророка Мухаммеда. Фатимидские халифы правили в Египте и считали своими родоначальниками халифа Али ибн Абу Талиба и его супругу Фатиму, дочь пророка Мухаммеда. Династии были независимы друг от друга.

16

Золотая булла – договор Византии с Венецией, подписанный в 1082 г. В обмен на военную помощь в защите от сицилийцев, венецианцы получили большие торговые льготы на территории империи.

17

Фема – приграничный округ в Византии.

18

Норманны – воины скандинавского происхождения, на профессиональной основе служившие в императорской гвардии Византии. Отличались исключительной преданностью, воинственностью и выучкой.

19

Аль-Вади альКебир – арабское название реки Гвадалквивир.

20

Саади. Пер. с перс. Ф. Корша. 1916.

21

Антиохийское княжество в то время находилось в вассальной зависимости от Иерусалимского короля и только он мог выбрать мужа для вдовствующей княгини Констанции.

22

Пепельная среда – первая среда Великого поста в Римско-католической церкви. В этот день священник во время богослужения посыпает головы присутствующих пеплом сожженных верб, повторяя слова Екклесиаста «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал

его». День, предшествующий пепельной среде – время веселья и обильных трапез.

23

Нут – древнейшая бобовая культура на Ближнем Востоке.

24

Из Послания Святого Апостола Павла.

25

Из Книги Екклесиаста.

26

По мотивам: Абу-ль-Ала аль-Маарри. Пер. с араб. А. Тарковского. М. ИХЛ. 1975.

27

Фламенка (Пламенная) – героиня одноименного старо-провансальского романа.

28

Саади. Пер. с перс. Ф. Корша. 1916.

29

Земля румов – распространенное название Византии на Востоке.

30

Аль-Кудс и Антакья – арабские названия Иерусалима и Антиохии соответственно.

31

Иблис (в исламе) – падший ангел, ставший коварным искушителем, и старающийся сбить верующих с истинного пути.

Купить: https://tellnovel.com/ru/hodyrev_yuriy/venec-oderzhimyh-zolotye-mirazhi-vostoka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)